

КУРМЫШ, 1918 ГОД...
(Опыт одного исторического расследования)

История Курмышского антибольшевистского восстания 1918 года привлекла меня по нескольким причинам. Начну с того, что вообще об этом восстании долгое время мало что было известно. В советское время о нём упоминалось вскользь, как об одном из примеров «кулацко-белогвардейского мятежа», коих в 1918 году по всей стране было очень немало. Сама тема была интересна разве что местным краеведам, да и то лишь в ключе жизнеописания местных большевистских руководителей, устанавливавших в этих местах советскую власть. С приходом новых времён о восстании заговорили уже в другом ключе — как о всенародном восстании против «коммунистических узурпаторов», да ещё с большим количеством жертв со стороны мирного населения. Называется страшная цифра почти в тысячу человек, якобы расстрелянных большевиками людей. Неудивительно, что тему охотно подхватили разного рода «белогвардейские», «монархические», «либеральные» и прочие информационные ресурсы, сделавшие тему Курмыша известной на всю страну в качестве примера небывалых зверств красной власти периода гражданской войны...

Словом, во всём захотелось разобраться самому. Меня лично не совсем удовлетворила работа краеведов на эту тему. Да, эти люди сделали немало, чтобы реконструировать ход и причины восстания, и надо отдать им за это должное. Но есть у них немало ошибок, в том числе и весьма грубых — например, утверждения о том, летом 1918 года против большевиков якобы действовали войска адмирала Колчака. На самом деле, против Красной армии в это время вели бои войска эсеровского правительства Самары. Или утверждения о том, что против Курмышского восстания большевики якобы бросили гигантские силы, даже называются целые подразделения Красной армии, чуть ли не снятые с фронта и принявшие участие в блокаде восстания и в карательной акции. Откуда эти сведения? Ссылок, как правило, нет. Зато архивные данные говорят только о двух красных отрядах, подавлявших мятеж и подчинявшихся ЧК Восточного фронта — в силу своей относительно малой численности они просто не могли установить блокаду мятежного района, именно по этой причине лидерам восстания удалось безнаказанно скрыться. Ещё один большой недостаток работы краеведов — они часто ссылаются друг на друга, без попыток критически проверить те или иные сведения. А как говорил мой учитель в университете, доктор исторических наук, профессор Валерий Павлович Макарихин, любое утверждение в исторической литературе надо всегда проверять на достоверность...

Таким образом я решил по возможности абстрагироваться от всего написанного ранее и напрямую ознакомиться с архивными сведениями. Работа с самыми разными документами заняла несколько лет. Особую благодарность выражаю Общественной комиссии при архивной службе по Нижегородской области, которая сильно помогла со сбором этих сведений.

Итак, в общем-то архивный объём на сегодня понятен. Документы главным образом разбросаны по четырём архивным заведениям. Государственный архив Ульяновской области, филиал Центрального архива Нижегородской области в Арзамасе, Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО) и Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО).

Документов за 1918 год в архиве Ульяновской области сохранилось мало - Симбирск (Ульяновск) почти три месяца находился в руках белых, главным городом губернии на какое-то время стал соседний с Курмышом Алатырь, где с делопроизводством были большие проблемы. Кроме того, в 1933 году в архиве случился большой пожар, много бесценных документов, в том числе и по гражданской войне сгорело. Тем не менее, в Ульяновске имеется фонд Р-212, где собраны документы по губернскому военному комиссариату, включая и по Курмышу (оп.2, д.62). Самые интересные - это отчёты уездного военного комиссара Рудакова о составе военкомата, о проводимой мобилизации в Красную армию, которая, как известно, стала детонатором восстания. Указаны фамилии и должности членов военкомата, в том числе и тех, кто возглавил восстание — например, бывший штабс-капитан Василий Зотович Степанов и др.

Арзамас. Это фонд Р-2345, оп.1, ед.хр. 1-5. Документы уездного революционного комитета, созданного в Курмыше сразу после подавления восстания — приказы, распоряжения, списки возможных участников мятежа, ориентировки на беглых главарей, различные запросы в вышестоящие инстанции. Самое интересное — воззвания к народу, которые успели выпустить мятежники.

ГОПАНО. Это фонд так называемого истпарта — воспоминания большевиков о гражданской войне: ф.1, оп.2, ед.хр. 61, 381 (коммунисты Батянов и Чипчин). Особого внимания заслуживают воспоминания Алексея Ивановича Чипчина, долгое время работавшего в Курмыше учителем. С одной стороны, эти воспоминания, написанные в начале 1930-х годов, несут идеологический отпечаток того времени - со всеми партийными штампами и утверждениями. А с другой - они насыщены многими интересными подробностями, которые можно было узнать, находясь, если так можно выразиться, внутри самого восстания. Не зря в 1937 году, во время массовых репрессий, сразу несколько человек указали на Чипчина как на одного из участников мятежа, вовремя переметнувшегося на сторону большевиков. За что Чипчин был исключён из рядов ВКП(б), а потом и репрессирован...

ЦАНО. Самый насыщенный архив по заданной теме. Это бывшие архивные материалы Управления КГБ СССР по Горьковской области, собранные в фонде 2209. Во-первых, документы Курмышской уездной чрезвычайно-следственной комиссии за вторую половину 1918 — начала 1919 года: оп. 3, ед хр. 7106, 7199, 7096 и др. Во-вторых, материалы Симбирского губернского революционного трибунала за 1920 год по обвинению граждан Саверкина Александра, Степанова Александра, Королёва Тимофея и др. в организации Курмышского вооружённого контрреволюционного восстания -

оп.3, ед.хр. 21034. В-третьих, дела НКВД по Курмышу за 1937 год. Тогда был арестован некто Алексей Мамаев, бывший дворянин Казанской губернии, который занимался бродяжничеством и сбором средств для церкви.

(Мамаев Алексей Александрович, родом из Казани, учился в Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе, но выпускных экзаменов не сдал. С 1907 по 1909 годы работал в Казанской гражданской управе делопроизводителем. В 1915 году пошёл добровольцем в царскую армию, вольноопределяющимся в 205-ый Шемаханский пехотный полк. Демобилизован в 1916 году по причине обморожения ног на фронте. После чего работал Земским начальником в Васильсурском уезде, откуда после Октябрьской революции перебрался в Курмыш. Устроился на работу делопроизводителем в местное ЧК при уездном Комиссариате юстиции. Его роль в Курмышском восстании до сих пор неясна. В 1919 году уволен из ЧК за сокрытие социального происхождения. Долго сидел в концлагере города Симбирск. После гражданской войны постоянно менял места работы в качестве служащего, перемещаясь между Курмышом, Пильней и Петряксами. В 1925 году окончательно потерял работу как лишенец. Служил псаломщиком в церквях Курмышя, Деянова, Бортсурман, Жокино и Масловки Спасского района. Сильно нуждался и перед арестом жил в основном за счёт денег, которые ему присылала мать, эмигрировавшая в гражданскую войну из Казани в маньчжурский Харбин. Арестован в 1937 году и расстрелян как главарь некой «церковно-фашистской подпольной организации»).

После ареста на допросах в НКВД Мамаев дал очень подробные данные на участников восстания 1918 года, причём как живших на то время, так уже и умерших. По его словам, ряд участников восстания якобы продолжили вести вредительскую антисоветскую деятельность и в 30-ые годы. Вот так из дела Мамаева возник ряд дел о вредительской кулацкой организации в Курмыше, по которым в 1937-1938 годы проходили многие бывшие повстанцы. Это дело по обвинению А.Степанов, П.Черноморкина, А.Ахлестина и др. (всего 33 человека) в создании контрреволюционной повстанческо-террористической организации, готовившей свержение советской власти в Курмыше и уничтожение колхозной строя - оп.3, ед.хр. 10951. Это дело по обвинению Дроздова И.И., Гольшева И. Л., Сергеева И.О. и др. в создании вместе с Мамаевым церковно-фашистской группы — оп.3, ед.хр. 1710. Это дело Карасёва М.П, Макарова И.Т., Чипчина А.И. и др. в создании кулацкой повстанческой организации - оп.3, ед.хр. 8596. Плюс дело НКВД по Сергачскому району по обвинению бывшего курмышского повстанца Богоявленского Алексея Петровича и ещё двух «бывших людей» в контрреволюционной агитации — оп.3, ед.хр. 10943...

Оставлю в стороне обоснованность репрессий в Курмыше сталинской эпохи — меня в данном случае интересуют показания по 1918 году. Здесь конечно же надо учитывать тот факт, что само участие в восстании служило отягчающим обстоятельством для арестованных в 1937 году людей. Поэтому, на мой взгляд, эти показания можно условно разделить на две группы: спорные, явно выбитые под давлением следствия и более неподтверждённые

ником и ничем (эти показания я опускаю), а также вполне объективные, которые не только подтверждаются другими свидетельствами, но и сообщают немало интересных подробностей как о самом мятеже, так и о его причинах и о непосредственных участниках... Вот на этих архивных данных я и буду строить свою версию Курмышского восстания...

Не буду подробно останавливаться на истории городка Курмыш, который в начале 20-го века находился на стыке трёх губерний - Нижегородской, Казанской и Симбирской, входя территориально в состав последней. О прошлом Курмыша можно ознакомиться на страницах интереснейшей книги Сергея Кузнецова «Курмышский летописец». Отмечу лишь, что в период бурного развития капитализма в России и перед революционными потрясениями начала прошлого века Курмышский уезд остался в стороне от магистральных железных дорог, которые шли мимо на Казань, Нижний Новгород и Москву. Отсюда и патриархальность города и уезда, где основным и подавляющим населением были крестьяне. Отсюда и некоторая запоздалость в реакции на бурные события, которые шли как по России, так и по губернии.

Советская власть здесь установилась достаточно поздно, лишь в начале 1918 года. И долгое время власть делили между собой большевики и эсеры. Последние, кстати, в отличие от однопартийцев остальной страны, так и не разделились чётко на правых и левых. Неудивительно поэтому, что уездный Исполком местного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов возглавлял эсер Николай Мартьянов (условно левый и тяготеющий к большевикам), а отдел социального обеспечения того же Совдепа — другой эсер Михаил Саверкин (условно правый, тяготевший к сторонникам Учредительного собрания, он же — будущий руководитель мятежа). Хотя и с запозданием, но к лету 1918 года до Курмыша докатились все те проблемы, которые обострили отношения между советской властью и крестьянской массой России.

... Основной линией противостояния стала продовольственная политика большевиков, направленная на принудительное изъятие излишков хлеба у крестьянства. В общем-то проблема большевикам досталась от прежних правящих режимов, при которых и начался развал системы в поставках продовольствия, особенно в крупные города. Ситуация ещё более усугубилась к весне 1918 года, когда германские интервенты захватили хлебные районы Украины, а казаки и белогвардейцы отрезали советскую Россию от продовольственных районов Кубани и Дона. Как вспоминают очевидцы, в мае 1918 года хлеб фактически перестал поступать в города центральной части страны. Именно тогда голодные бунты прокатились по Сормову и другим рабочим районам Нижегородской губернии. Из оперативной сводки ВЧК (лето 1918 года): *«Делегат, командированный в Нижний Новгород, сообщает следующее. Продовольственное положение в городе довольно острое, выдают четверть фунта хлеба в день...»*. Из доклада в Нижегородский губком партии о положении, сложившимся в Балахнинском уезде:

«Продовольственное дело в Балахне и уезде в самом ужасном виде... Я видел, как люди, точно дикие звери, ходили по улицам истощённые голодом, жёлтые, худые, как скелеты, подбирая на мостовых огрызки садовых яблок, грязных, гнилых, и проглатывали их с жадностью. Беднота живёт буквально морковью, гнилой картошкой и капустой, превращаясь невольно в животных, всё покупая из-под полы у спекулянтов по бешеным ценам...».

В мае 1918 года специальным декретом Совета народных комиссаров была подтверждена хлебная монополия, введённая (но так и не осуществлённая на практике) ещё Временным правительством. Кроме того, согласно декрету, свободная торговля хлебом запрещалась. Другим декретом народному комиссару по продовольствию давались обширные, даже диктаторские полномочия на изъятие любых излишков зерна. А практические функции по такому изъятию возложили на вооружённые продовольственные отряды, которые большевики стали спешно формировать на заводах и фабриках. Деревня, особенно её зажиточная, богатая часть, оказала этой продовольственной диктатуре ожесточённое сопротивление.

Обстановка ещё более осложнилась в связи с начавшейся в регионе гражданской войной, сигналом которой в Поволжье послужил мятеж Чехословацкого корпуса. Этот корпус, численностью свыше 60 тысяч человек, был образован в России ещё до революции из военнопленных чехов и словаков, не желавших воевать на фронтах Первой мировой войны за интересы Австро-Венгерской империи. После выхода нашей страны из войны, по согласованию с чешским Национальным Советом корпус должен был эвакуироваться из России через Дальний Восток с тем, чтобы продолжить войну против Германии и Австро-Венгрии в Западной Европе. Весной 1918 года эшелоны с чехами двинулись в Сибирь. Из-за разрухи на транспорте продвигались они медленно, и не было ни одной станции по всей Транссибирской магистрали, где бы не стояли поезда с частями корпуса.

Непосредственных причин для начала мятежа было немало. В том числе и явная провокация одного из большевистских лидеров, председателя Реввоенсовета республики Льва Троцкого, который отдал местным Советам приказание разоружить чехословаков. Немалую роль в восстании сыграли и закулисные интриги союзников из Антанты, желавших любой ценой убрать от власти большевиков, заключивших Брестский мир с немцами, и снова втянуть Россию в мировую войну... Мятеж сначала вспыхнул в Челябинске и в Пензе, а потом охватил и другие города на востоке страны, где находились чехи. В короткие сроки восставшие чехословаки свергли Советскую власть на всём протяжении Транссиба.

8 июня они взяли штурмом Самару, где из подполья тут же вышли эсеры с меньшевиками, объявившие о создании "всероссийского правительства" из числа бывших депутатов разогнанного Учредительного собрания. "Правительство" так и называлось – Комитет Членов Учредительного Собрания (КОМУЧ). Сразу же из числа белых офицеров стала формироваться так называемая "Народная армия".

22 июля 1918 года стремительным рейдом чехи и белогвардейцы взяли Симбирск. А ещё через несколько дней началось их наступление на Казань. В первых числах августа белая группировка, под общим командованием полковника Степанова и подполковника Каппеля на пароходах проникла в устье реки Кама и высадила десант. Под утро 7 августа белые с разных сторон ворвались в Казань, сея панику в частях Красной армии. Деморализованные красноармейцы откатились к Свияжску, где их удалось остановить лишь с большим трудом...

Для крестьянства гражданская война обернулась мобилизацией в Красную армию. Как известно, Советская власть распустила старую царскую армию и начала создавать собственные вооружённые силы. Поначалу большевики питали романтические иллюзии насчёт того, что им удастся создать Красную армию на добровольческой основе, состоящую исключительно из сознательных рабочих и крестьян. Однако время показало, что такая армия просто невозможна - добровольно записывались единицы, между тем как нарастающая гражданская война требовала полнокровных полков и дивизий. И в мае 1918 года была объявлена всеобщая мобилизация, которая на протяжении всей гражданской войны шла с переменным успехом (примерно аналогичная картина складывалась и у белых, их армии также начинались с небольших добровольческих офицерских отрядов).

Запутавшийся во всевозможных политических лозунгах и призывах российский обыватель всячески стремился уклониться от участия в такой войне. Чего уж тут говорить о крестьянине, коему в эти революционные времена вообще претили разного рода государственные принудилки - хоть в вопросе продовольствия, хоть в воинском призыве! Неудивительно, что началось не просто массовое уклонение от призывных кампаний, но и настоящие вооружённые сопротивление против мобилизации. Остановлюсь только на самых крупных крестьянских выступлениях, происходивших близ Курмыша в Нижегородской губернии (более мелких актов неповиновения были десятки).

17 июля 1918 года вспыхнуло крупное восстание в селе Столбищи Сергачского уезда. Согласно историко-архивной справке, составленной в 1966 году майором КГБ СССР Макарычевым, причиной мятежа стало недовольство принципами распределения хлеба, который пытался провести местный комбед среди голодающих крестьян, а также мобилизация в Красную армию. Восставшие не только перебили всех своих большевиков, но и организовали настоящий боевой отряд, который хорошо вооружился и вырыл на окраинах села окопы. Руководитель восстания — председатель столбищенского сельского совета Яков Кулагин. Восставшие успешно отбили несколько атак карательного отряда уездной ЧК. И только 20 июля, когда под Столбищи прибыли вооружённые отряды из Арзамаса с четырьмя пулемётами и из Нижнего Новгорода с орудием, восстание удалось подавить. ЧК на месте было расстреляно 16 повстанческих активистов, но, как указывается в архивной справке, главарям удалось бежать из села по направлению к городу Курмыш (постановлением НижГубЧК от 27 февраля 1922 года дело на этих людей было

прекращено в связи с прошедшими амнистиями)... Не ведаю, могли ли столбищенские повстанцы, бежавшие в Курмыш, оказать своё влияние на местных жителей, но определённо на политических настроениях вполне могли сыграть, и точно не в пользу большевиков.

Не менее драматическая ситуация сложилась 25 июля 1918 года в большом селе Быковка Воротынского уезда. Здесь собрался уездная большевистская конференция по продовольственному вопросу. Кто-то пустил слух, что делегаты начнут грабить крестьян, после чего началось... Были зверски убиты трое большевиков, далее начались погромы домов, где жили семьи коммунистов и красноармейцев. Попытки силами местного Совдепа подавить мятеж не удалось, ибо к восставшим скоро присоединились жители из окрестных деревень: Ватраса, Тубанаевки, Ивановского. Ситуацию удалось переломить лишь с подходом усиленного отряда ЧК, так называемого Нижегородского советского полка, который имел при себе артиллерийскую батарею. При его появлении большая часть мятежников сразу же разбежалась. А по тем, кто посмел оказать сопротивление, сделали предупредительные орудийные выстрелы, обошедшиеся, правда, без каких-либо разрушений и человеческих жертв. Этого оказалось достаточным для полной ликвидации мятежа... Полк отошёл в Васильсурск... Запомним этот советский полк, ибо он сыграет ключевую роль в подавлении восстания в Курмыше...

А в селе Новый Усад Арзамасского уезда в августе 1918 года прошли массовые аресты. Вот как об этом впоследствии рассказывал начальник НижГубЧК Яков Воробьёв:

«Когда была объявлена мобилизация в селе Новый Усад, было собрано собрание, на котором с речью выступил бывший капитан царской армии Белогузов (на самом деле Белогузов был прапорщиком - В.А.). Он предлагал ни одному из мобилизованных не идти на военную службу для защиты советской власти, так как большевики якобы везут мобилизованных в Германию, где их будет ждать неминуемая гибель. В дальнейшем он призывал крестьян организовать отряд и отправиться в другие волости и уезды с призывом не подчиняться приказу советской власти о мобилизации в Красную Армию и, объединившись с остальными, выступить против советской власти с целью свержения её. Присутствующие кулаки заявили о готовности дать на это необходимые денежные средства. Собрание всё это одобрило и по предложению Белогузова согласилось закрепить это постановление подписями присутствовавших на данном собрании. Мобилизованные оцепили сход, чтобы никто не мог уйти, не подписав приговора. Тут же был выработан определённый план, по которому в случае тревоги все должны собраться при помощи набатного звона и вооружиться, кто чем может... Агитаторами-белогвардейцами такие же сходы созывались во многих других волостях, где им удавалось достигнуть желаемых результатов: волостные сходы выносили резолюции отказать от мобилизации и присоединиться к белогвардейским организациям с целью выступления против Советской власти...».

Надо сказать, что обстановка для такого рода агитации была выбрана очень удачно! Во всю ходили разговоры о скором конце большевиков, о том, что чехи вот-вот войдут в Нижний, а англичане уже заняли Архангельск и чуть ли не парадным маршем продвигаются к Москве. Да и продовольственная диктатура с принудительной военной мобилизацией точно не прибавляли народных симпатии к красным. Поэтому агитация Белогузова падала на благоприятную почву. Большевики, уже наученные горьким опытом в других регионах Поволжья, стали действовать на упреждение — в ходе массовых арестов «ненадёжных» Белогузов был задержан и позже расстрелян...

... Все эти события, а также оставление красными губернского центра Симбирска не могли не сказаться на настроениях в Курмыше. Между находившимися у власти большевиками и эсерами завязалась ожесточённая борьба — эсеры поддерживали крестьянство, а большевики, понятно, выступали за проведение политики советской власти. Полем боя стали крестьянские Советы. Некоторые краеведы пишут, что мятеж в Курмыше начался во время одного из уездных съездов таких Советов. Но это не так. Съезды прошли ещё до восстания, но именно на них политическая ситуация достигла предельного накала. Обратимся к свидетельствам очевидцев.

Из воспоминаний курмышского коммуниста Батянова:

«Если Первый съезд Советов в феврале 1918 года проходил в обстановке революционного подъёма батрацко-крестьянских масс, особенно демобилизованных солдат, при незначительном сопротивлении буржуазной демократии, то последующие съезды в обстановке обострения классовой борьбы. В этом отношении заслуживает быть отмеченным 6-й съезд Советов, проходивший в августе 1918 года. Кулачество явилось на съезде организовано. От ряда волостей были представлены наказания кулацкого характера... Особенно борьба разгорелась вокруг вопросов продовольствия и мобилизации в Красную армию. Лозунгом кулаков было: «не дать государству хлеба, не дать в армию людей». Это импонировало мелко-буржуазным настроениям крестьян. В следствии чего на съезде кулачество по этим вопросам имело большинство. Поэтому пришлось революционной части съезда покинуть заседание, объявив, что вопросы будет решать самостоятельно. В это время появился отряд красноармейцев, кулачество струсило и попросило революционную часть вернуться обратно. Нужные для революции решения были приняты съездом».

Алексей Чипчин уточняет эти сведения: по его словам, противостояние началось ещё на 5-м съезде, проходившем 15 августа. Однако на нём противоборствующие стороны ни о чём не договорились — было решено созвать новый, 6-й, съезд. И он состоялся 28 августа 1918 года в Пильне:

«На съезде кулацкие элементы, под руководством и председательством эсера Петрейкина, агента кулаков, получили большинство. Они явились на съезд организовано, с намерением соврать все большевистские установки. Очевидно перед съездом поработали и приехали с наказаниями от волостей, в которых население уклонялось от сборов, мобилизации в Красную армию и продразвёрстки. Эти наказания легли в основу всех действий кулацких агентов

Петрейкина и Саверкина. Между кулаками с одной стороны и большевиками с другой разгорелся отчаянный бой. т. Данилов, представитель ЦИКа, разоблачал Саверкина. Он говорил: «Саверкин обманывает народ, занимается демагогией, сулит золотые горы и продаёт kota в мешке, уверяя, что кот не простой, а золотой, чудесного свойства, а сам не показывает даже уши и хвост. На самом деле кот — просто кот, сморщенный и облезлый». т. Мартьянов жарко поддержал его со своими товарищами. Кулацкое большинство не поддавалось, и всё шумнее и наглее становилось и лезло в драку с большевиками.

Но положение крупно изменилось с прибытием красноармейской команды в распоряжение Уисполкома. Теперь большевики так насели на кулаков, что они со страху стали прыгать в окно, а т. Мартьянов громко заявил: кто не со мной, тот против советской власти». На его сторону перешло большинство, опираясь на которое и реальную силу красноармейцев он вышел победителем по всем вопросам. Удалось протащить на съезде все вопросы, вплоть до переизбрания Уисполкома. Избранными оказались все лица, рекомендованные фракцией большевиков».

Конечно, большевиков можно упрекнуть за то, что действовали такими недемократичными методами. Однако стоит помнить, в каких условиях проходили эти съезды — в условиях войны и приближающегося фронта. После захвата белыми Симбирска в их руках оказалась примерно половина губернии. Временно главным губернским центром большевиков стал соседний с Курмышом уездный город Алатырь И хотя белые не стали наступать дальше на запад, сосредоточив основные силы на казанском направлении вдоль Волги, всё же на алатырском направлении они проводили весьма активную оборону...

Из воспоминаний симбирского большевика А.С. Косырева:

«Белогвардейцы приближались к Алатырю, 7 августа 1918 г. губисполком отдал письменное распоряжение за № 14923 нашему уисполкому о подготовке отделов; к эвакуации в г. Курмыш. Вечером того же дня мы созвали совещание членов исполкома, на котором присутствовали все городские коммунисты, а также и члены Буинского уисполкома. Представив на обсуждение совещания письменное распоряжение губисполкома, я объяснил, что эвакуация города Алатыря создаст известную трудность в обороне Казани от надвигающихся белогвардейских банд, поэтому мы должны думать не об эвакуации, а об организации борьбы с белогвардейцами. Я предложил всем составом идти в здание губисполкома и приостановить эвакуацию. Это предложение было выполнено: автомашины губисполкома и губчека тут же были высвобождены от имуществ и предоставлены в распоряжение вновь организованных боевых отрядов для выступления против белогвардейцев. Мы вооружили всех коммунистов.

В ночь на 8 августа отряды направились на борьбу с подходившими к городу белогвардейцами по Буинскому и Астрадамовскому трактам. В ту же ночь часть вооружённых отрядов коммунистов заняла все переправы через р. Суру от Промзина до села Порецкого, а часть из них двинулась по Буинскому

тракту до села Новые Айбеси, а по Астрадамовскому тракту - до сел Астрадамовка и Промзино. Благодаря срочно принятым мерам мы сумели дать, врагу достойный отпор, и белогвардейцы поспешно отступили с территории Алатырского уезда».

Фронт, по воспоминаниям очевидцев, стоял примерно в 80-100 верстах от Курмыша... Для большевиков Алатырь и Курмыш приобретали стратегическое значение. Во-первых, они стояли на стыке 1-й и 5-й красных армий. Во-вторых, в случае прорыва здесь белых появлялась угроза Арзамасу, куда после падения Казани эвакуировался штаб Восточного фронта. Поэтому для военного управления регионом была сформирована Алатырская группа войск, находившаяся в оперативном управлении штаба 1-й армии (командарм — бывший подпоручик Михаил Тухачевский). Для пополнения людьми группы в уездах началась поспешная и массовая мобилизация. Мобилизационный отдел находился в Саранске (тогда уездный город Пензенской губернии) - начальник, бывший офицер Ш.Н. Ибрагимов. В конце июля-начале августа был объявлен призыв граждан 1891-1895 годов рождения. В телеграмме от 16 августа 1918 года, которая была адресована Алатырскому, Курмышскому и Карсунскому уездным советам и военкоматам Ибрагимов не просто приказывал срочно провести мобилизацию, но и срочно сообщить в Саранск о количестве уже призванного населения, распределив последнее в команды по сто человек. И если в Алатыре и Саранске мобилизация шла более-менее успешно, то в Карсунском уезде местный совдеп не хотел отправлять мобилизованных в Саранск, намереваясь создать собственную воинскую часть. Что же касается Курмыша, то мобилизация здесь просто оказалась сорванной.

Из протокола Курмышской уездной мобилизационной комиссии о результатах мобилизации от 12 августа 1918 года:

«... В 9 часов утра в мобилизационную комиссию явился член Ходаровского Исполнительного Комитета Василий Иванов и заявил, что мобилизуемые солдаты Ходаровской волости вчера, 11 августа 1918 года, собравшись выехать в город Курмыш для явки в мобилизационную комиссию и доехав совместно с солдатами Атаевской волости до села Штанаш, остановились и, собравшись в толпу, решили от поездки в город Курмыш и явки в мобилизационную комиссию отказаться и разъехаться обратно по домам, и в действительности сейчас же разъехались. Мобилизационная комиссия постановила: доклад члена Ходаровского волостного совета исполнительного комитета товарища Иванова записать в настоящий протокол, копию с него послать в уездный Исполнительный Комитет Совета крестьянских и рабочих депутатов и губернским властям...

...Комиссия начала работу в 10 часов утра, причём до 12 часов никто из призываемых не явился. Был сделан перерыв до 2 часов дня. По возобновлению заседания в комиссию явились представители мобилизованных граждан из села Жданова, Ждановской волости, и заявили, что призванные граждане села Жданова явились в город Курмыш в числе 60 человек, но нам, призывникам, стало известно, что призванные граждане других волостей

именно: Бортсурманской, Деяновской, явившиеся на сборные пункты 11-го сего августа, возвратились обратно в свои деревни. Когда проезжали через их деревни, они объявили им, ждановцам, что идти на службу не следует и вообще угрожали. В следствии этого, они, представители призываемых села Жданова, заявили, что они отщепенцами крестьян уезда быть не желают и если все подлежащие призыву других волостей пойдут на службу, то они тоже все немедленно явятся на службу, причём высказывались пожелания призвать и родившихся в 1896 году. Заявив это представители села Жданова ушли из комиссии. После сего явились представители Каменской волости и заявили, что мобилизованные этой волости тоже пойдут, но только в том случае, если пойдут мобилизованные других волостей...».

Протокол мобилизационной комиссии о результатах мобилизации от 13 августа 1918 года:

«... в 10 часов утра в комиссию явился представитель от Петряксинской волости Хасян Лацанов, который заявил, что мобилизованные Петряксинской волости собравшись вместе постановили идти в город Курмыш на приём по мобилизации в том случае, если пойдут остальные мобилизованные всего уезда. Кроме представителя Хасяна Лацанова больше никого не было. Представитель волости Хасян Лацанов заявил, что волостной приговор поступит в комиссию позднее...

...Прибыли призываемые деревни Толмачиха, Знаменской волости Иван (Мокеевич) Акимов, родившийся в 1893 году и другие в числе 16 человек, затем явились представители от всех селений Языковской волости. Григорий Шинягин, Аким Мигунов, Ефрем Лещёв, Василий Маркелов, Степан Афросин, Илья Денисов и Семён Бормотин заявили, что они пойдут на службу в том только случае, если пойдут мобилизованные прочих волостей Курмышского уезда. Причём призываемые деревни Толмачиха заявили, что они из Знаменской волости только одни, другие из селений этой волости не прибыли даже, и потому они не могут идти. Представители Языковской волости кроме того представили копию постановления граждан солдат призывных возрастов. Из постановления видно, что они пойдут на службу тогда, когда будут призваны солдаты все, начиная с 1918 по 1919 год включительно, не исключая и пехоты. При этом просят взять в Курмышском уездном военном комиссариате всё оружие для раздачи беднейшему населению Языковской волости, стоящему на платформе Советской власти для сопротивления на случай водворения новой власти. Призываемые других волостей не явились...».

После такого явного саботажа был издан специальный приказ по Курмышскому уездному военному комиссариату за № 179 от 25 августа 1918 года со ссылкой на распоряжение уездной советской власти:

«... При сем объявляю к руководству и исполнению циркулярное письмо телеграфное распоряжение местного Совета волостным:

«На основании категорического приказа Губернского Исполкома и мобилизационной комиссии 1-й армии уездный Исполком приказывает возобновить мобилизацию и тотчас же объявить всем призываемым

подлежащим явке согласно телеграмме военного комиссариата номером 10438, чтобы таковые явились утром тридцатого первого августа Курмыш (тчк) каковому времени прибыть члену волостного Исполкома документами (тчк) случае неисполнения сего виновным будет применена самая крайняя мера наказания согласно постановлению Губисполкома (тчк) Волостному Совдепу назначить необходимое число подвод для провоза запасных других волостей считая, что призываемые других волостей проезжают прежними маршрутами и прежним сведениям (тчк) ближние Курмышу через сутки дальние через двое (тчк) под страхом репрессий принять все меры к беспрепятственному проезду призываемых (тчк) Волостному Совдепу под страхом ответственности доставить сведения на лиц агитирующих против мобилизации (тчк)».

Подписали: Председатель Совдепа Мартьянов, Военком Рудаков, Председатель временной комиссии Петрейкин».

Как видим, нельзя однозначно утверждать, что отказ от мобилизации был в уезде добровольно-всеобщим. Просто появились активные «зачинщики» в лице Бортсурман и Деяново, за которыми по старой крестьянской привычке потянулись и все остальные. Но кто же стоял за «зачинщиками»? Прежде всего эсеры, которые потерпели поражение на уездных съездах Советов. Но не только они одни...

После разгрома восстания все задержанные его руководители (кого удалось выловить) утверждали - особенно на заседаниях революционного трибунала в 1920 и в 1921 году - что восстание якобы возникло стихийно, из митинга жителей Казачьей слободы, возмущённых решениями 6-го крестьянского съезда Советов об урезании норм хлеба, не подлежащего изъятию властями, и о призыве в Красную армию. Мол, встревоженные люди стихийно возмутились, стихийно пошли в город, стихийно разгромили цейхгауз, разогнали отряд красноармейцев и взяли Совдеп. И только потом якобы начались создаваться повстанческие органы власти и боевые отряды... Наверное этих людей понять можно, ибо признание в организованном мятеже могло только усугубить их вину, поэтому они и упирали на эту самую стихийность. Кроме того, так и не были пойманы первые лица повстанцев, а без их признаний и сегодня можно было строить какие угодно версии. И всё же сам характер восстания, когда на митинг в Казачьей словно по команде собрались жители не только этой слободы, но других деревень, чёткие действия восставших по взятию Курмыша говорит об организованной силе повстанцев. Кем могла быть организована эта сила? Выскажу свои соображения на сей счёт.

Прежде всего это конечно же уже упомянутые эсеры. До сих пор никто из историков не назвал ни численность эсеровской организации в Курмыше, ни её главных членов, кроме повстанческого лидера Михаила Петрович Саверкина. Ситуация здесь усложняется ещё и тем, что членство в этой партии строилось не по привычной нам, со времён КПСС, схеме — чёткая персонализация, взносы, обязательное участие в первичной организации и т. д. Эсеры, особенно в период между Февральской и Октябрьской революциями,

принимали в свою партию очень демократично: по первому же желанию кандидата, широко практиковался и коллективный приём, когда в партию могли записаться целые воинские части или населённые пункты, совсем не обязательно было заниматься партийной работой. И далеко не всегда членство фиксировалось на бумаге. Именно по этой причине эсеровскую партию историки считают самой массовой в революционной России. Тем не менее, не смотря на такого рода размытость, в партии на местах всё же был твёрдый актив, который вёл политическую работу и исполнял решения высшего партийного руководства.

В 1937 году один из бывших на тот момент советских руководителей революционной эпохи Михаил Михайлович Фролов, хорошо знавший жителей Курмыша, перечислил на допросе в НКВД бывшей эсеровский актив, состоявший из 23 человек. Сейчас сложно сказать, на самом ли деле все эти люди принадлежали к эсеровской партии. Назову только тех из них, насчёт кого есть и другие свидетельства и кто реально был среди участников восстания:

- Мендель Иван Михайлович, купец, эсер с 1917 года (В 1919 году после восстания сидел в концлагере Симбирска, позже умер своей смертью в Курмыше. Как говорят очевидцы, один из курмышских купцов перед своим побегом за границу сказал Менделю: «Дурак ты, Ванька. Доиграешься в свой социализм, без штанов останешься»).

- Саверкин Михаил Петрович. Его брат Александр Петрович.

- Батаев Александр Иванович, активный повстанец (арестован в 1937 году).

- Логинов Сергей Васильевич, один из организаторов восстания в слободе Казачьей.

- Соколов Семён Фёдорович, житель слободы Стрелецкой. Один из повстанческих командиров.

- Севрюгин Степан Васильевич, бывший матрос, один из членов повстанческого «Комитета спасения родины и революции».

- Черноморкин Пётр Иванович, сын члена бывшей городской Управы.

- Беклемищев Дмитрий Дмитриевич, бывший уездный комиссар Временного правительства, родом из села Тёплый Стан.

- Жиганов Василий Фёдорович, бывший прапорщик, один из вождей и организаторов восстания (по некоторым данным, в 1930-е годы проживал в Москве).

- Поляков Сергей Дмитриевич (в 1937 году при обыске у него нашли эсеровскую литературу, которую он хранил с 1917 года, в партию вступил на фронте Первой мировой войны)...

Конечно же признанным эсеровским лидером был Михаил Петрович Саверкин. Сведения о нём сохранились очень скудные. Известно лишь, что он был родом из Курмыша. Долгое время жил за границей в политической эмиграции - по ряду свидетельств около 10 лет. На родину вернулся летом 1917 года, после Февральской революции. Его семья на 1918 год — мать, сестра Елена, три брата — Александр, Константин и Иван. Про Константина

ничего неизвестно. Иван, бывший подпоручик царской армии, служил в Красной армии (на конец гражданской войны — помощник начальника штаба 65-й отдельной стрелковой бригады войск внутренней службы Советской республики). Более всего Михаил был близок с младшим братом, Александром 19-ти лет. Именно Александр в 1917 году ездил в Москву встречать брата, вернувшегося из-за границы.

Из свидетельских показаний ревтрибуналу гражданина города Курмышша Ивана Андреевича Демидова (1921 год):

«Ещё в начале января 1918 года была на общегородском сходе объявлена советская власть, то меньше половины схода, более буржуазная, запротестовала, был составлен протест. С этим протестом против советской власти по домам ходил Александр Саверкин. Но его антисоветская позиция успеха не имела. Александр был ближайшим помощником своего брата Михаила».

Из свидетельских показаний гражданина С.П. Кузьмина:

«Ещё до Курмышского восстания в бытность свою гимназистом Курмышской гимназии, ставшего после революции школой 2-й ступени, среди старшеклассников велась антисоветская агитация. В результате старшеклассники разбились на две группы: правую и левую. Диспуты между ними велись на политическую тему в музыкальном классе школы. Среди учащихся лидер правых Саверкин пользовался большим авторитетом и занимал все выборные посты. Был авторитетен и среди педагогов. Во время восстания братья Саверкины открыто выступили против советской власти. Александр возглавил отряд, состоявший из чуваши...».

Забегая вперёд скажем, что Александр был опознан и арестован в сибирском Иркутске в 1920 году. Судил его ревтрибунал на следующий год в Симбирске. К большому сожалению, материалы этого суда практически не сохранились. Остались лишь отрывочные протоколы допроса и заключение ревтрибунала от 19 апреля 1921 года:

«Александр Саверкин показал, что в восстании действовал отчасти из сознания, отчасти из угара. Выступал на митингах своих товарищей гимназистов как социалист и за социализм. Политикой занялся с февраля 1917 года, когда находился в Москве до мая 1918 года. Там ходил на митинги возле памятника Скобелеву... Брат вернулся из-за границы... Восстание в Курмыше вспыхнуло на почве недовольства мобилизацией. Во время восстания ездил в Берёзовку как разведчик».

В общем, в мятеж пришёл под полным влиянием брата. Впрочем, к Александру Саверкину мы ещё вернёмся. А пока продолжим о старшем брате. По всей видимости, Михаил поддерживал тесную связь с верхушкой правых эсеров, которые в мае 1918 года объявили войну советской власти, поддержали мятеж чехословаков и вообще возглавили контрреволюцию в Поволжье. Не зря наверно уже после разгрома Курмышского восстания Михаил Саверкин бежал не абы куда, а в Уфу, куда после наступления Красной армии перебрался самарский КОМУЧ и где он встретился с видным деятелем КОМУЧа, одним из лидеров симбирских эсеров Валентином Ивановичем

Алмазовым. Думается, что с Алмазовым Саверкин поддерживал связь ещё летом 1918 года, во время подготовки мятежа. Вообще эсеры в это время развернули просто бешеную антибольшевистскую агитацию в Поволжье, стремясь разрушить тылы Красной армии и поддержать продвижение своих войск. Например, вот такая эсеровская листовка ходила в Нижегородской губернии, под стандартным эсеровским девизом - «В борьбе обретёшь ты право своё!» Большевики в ней были объявлены не просто узурпаторами власти, а ещё и агентами германского кайзера:

«Большевики пытались разоружить чехословаков, беззаветно дравшихся за Россию. Но чехи не сдались и подняли героическое восстание против предателей. И теперь очередь за русскими людьми. Теперь, когда тёмный русский народ понял, кого он посадил на свою шею, когда уже Сибирь, Самара и ряд других мест освободились от большевиков, возобновлена связь с союзниками, чтобы спасти истерзанную Россию от немецкой кабалы, большевики окончательно соединились с немцами, чтобы с помощью немецких войск подавить всякую попытку русского народа освободиться от страшной мёртвой петли немецкого кайзера. Каждый день несёт известия о новых и новых ужасах. И вы не знаете об этом, ибо все наши газеты закрыты, большевики задушили слово правды. По деревням разгуливают наёмные банды, расстреливающие крестьян за неподчинение кровавой Соввласти за хлеб, которого нет...».

В общем, то был прямой призыв присоединиться к белым, которые в это время наступали вдоль Волги. Думаю, что нечто такое распространялось и в Симбирской губернии — благо в отличии от Нижегородской здесь уже проходил реальный фронт. И Саверкин вполне мог поднять восстание в Курмыше, ориентируясь именно на такие призывы своей партии. А вот предположения некоторых краеведов о том, восстание могли возглавить агенты белой «Народной армии» ничем не подтверждаются — как показала история этой армии, никакой специальной подрывной работы в красном тылу «народоармейцы» не вели, а все антибольшевистские восстания были только чисто инициативой с мест. И события в Курмыше не являются исключением...

Ближайшим союзником Михаила Саверкина стал работник Курмышского уездного военкомата, а точнее — первый зам военкома, по должности военный руководитель этого учреждения Василий Зотович Степанов, бывший штабс-капитан. О нём известно ещё меньше чем о Саверкине. Поиск ещё усложняется тем, что в Курмыше Степанов была довольно распространённой фамилией, наряду с Елесиными, Кузнецовыми, Жигановыми, Королёвыми и т.д. (порой очень сложно в архивных документах разобраться, к примеру, о ком из Королёвых идёт речь — ибо были среди них и коммунисты, и их противники). Можно только сказать, что Степанов - кадровый офицер старой армии, был женат (жена Наталья), племянник Алексей до революции служил в Курмышской полиции. По отзывам знавших его людей, Василий Степанов был «типичным золотопогонником», то есть тем офицером, который на дух не выносил революцию, а советской власти пошёл

служить только по большой нужде. Хотя надо отметить, что военком уезда Иван Рудаков отзывался о нём, как о специалисте неплохо (даже после восстания!), утверждая, что со своими обязанностями Степанов справлялся и справлялся хорошо. Но, как говорится, в тихом омуте, да черти водятся... Думается, что Василий Зотович Степанов был убеждённым белогвардейцем, то есть сторонником основателя белого движения генерала Лавра Корнилова, выступавшего за введение «национальной диктатуры» для преодоления революционной смуты. Такие и эсеров смутьянами и считали врагами России, но шли с ними в Поволжье на временный союз, лишь бы большевиков уничтожить. С эсером Саверкиным Степанов как раз заключил такой союз, но после краха восстания они разошлись в разные стороны...

Как пишет в своих мемуарах Алексей Чипчин, заговорщики периодически собирались на свои собрания в окрестностях Курмыша, на Жуковой даче (предположительно - вымершая ныне деревня Жуковка). По его словам (и по другим свидетельствам), в ночь с 30 на 31 августа 1918 года - то есть сразу после 6-го крестьянского съезда Советов, где большевики взяли верх - собралось человек 15 самых активных заговорщиков: Михаил Саверкин, Василий Жиганов, братья Логиновы (Иван и Сергей, старший - Сергей, плюс его сын прапорщик Владимир Сергеевич Логинов) Тимофей Королёв, председатель сельсовета слободы Казачьей, Иван Елесин, крестьянин той же слободы, сын бывшего воинского начальника прапорщик Евгений Норенберг и другие. Слово взял Михаил Саверкин, который, по словам Чипчина, произнёс следующую речь:

«Чаша терпения переполнилась, большевики обманули народ. Возвращения мира и хлеба народу не дали, отбирают хлеб и детей у народа и бросают ненасытному и кровавому богу войны. Пора приостановить разгул палачей... Мы должны стать во главе движения народа и свергнуть ненавистное иго большевиков. Все предпосылки к тому налицо: Стрелецкое, Казачье, Деяновское, Бортсурманское, Курмышское и Мальцевское население ждёт только сигнала, чтобы стать как один человек для свержения большевиков. Я уже везде разослал своих людей... Тем более время благоприятное. Чехословаки в Симбирске, Ибреси под белыми, и мы должны поднять всю территорию, находящуюся под властью большевиков, необходимо смять большевиков и соединиться с чехословаками, несущих мир, хлеб и благоденствие народу, через установление законного Учредительного собрания...».

Речь одобрили. Сергей Логинов предложил начать 2 сентября. Для организации восстания избрали тройку руководителей: военный специалист - Степанов, от эсеров — Саверкин, от крестьян — прапорщик Жиганов. По всей видимости эта тройка и стала себя именовать «Комитетом общественной безопасности», потом, уже после восстания, преобразованный в «Комитет спасения родины и революции». На том и порешили. Вот как описывает финал собрания Алексей Чипчин:

«Когда начали расходиться, кто-то было запел «Марсельезу»: «Вставай, поднимайся, рабочий народ». Но его быстро одёрнули: «Что ты, с

ума что ли сошёл?». Певец притих, и все молча пошагали домой, но не гурьбой, а в разброд, по разным направлениям из предосторожности»...

...Возникает закономерный вопрос — а большевики знали о готовящемся мятеже? Все свидетели в один голос утверждают - никто ни о чём не подозревал. Причём, об этом дружно потом говорили как сами коммунисты, так и рядовые повстанцы, примкнувшие к восстанию уже после его начала. В этой связи надо отметить, что ЧК в уезде появится только после восстания, а до него чекистские функции исполнял лишь специальный отдел при местном Комиссариате юстиции, где работали то ли один, то ли два человека, которые, наверное, занимались чем угодно, но только не контрреволюционными заговорами. Правда, по словам Алексея Чипчина, после 6-го съезда Советов Уисполком собрался на заседание, где председатель Николай Мартьянов выразил озабоченность тем, что в уезде складывается тревожная обстановка из-за срыва мобилизации. Однако военком Рудаков бодро отрапортовал, что никаких причин для волнений нет, а гарнизон якобы готов к любому сценарию развития событий.

Кстати, о красном гарнизоне. Коммунист Батянов в своих мемуарах 1930-х годов уверяет, что красноармейцев было не меньше 60 человек, плюс прибывший отряд из Саранска в 15 штыков при двух пулемётах. Однако другие свидетели и документы это опровергают. На самом деле, как следует из показаний ревтрибуналу военкома Рудакова, было не более 22-х бойцов, все из Саранска, которых для обеспечения призыва прислал мобилизационный отдел 1-й армии краскома Ибрагимова. Как они несли службу, ярко обрисовал Алексей Чипчин:

«Красноармейцы были раскиданы кто куда по уезду и, между прочим, был организован сторожевой пост при Тихонской школе, где семь человек красноармейцев несли охранную службу. Охраняли склады оружия и город. Не видя перед собой противника и не имея точных инструкций, откуда может появиться неприятель (очевидно, разведки не существовало, и главное не имелось информации об опасности), красноармейцы вели себя просто и по-домашнему. Они разувались и раздевались, спали себе спокойно, ходили в бани к мужикам — сразу чуть ли не все, и вообще военная дисциплина почти отсутствовала. Так они жили с половины августа до самого восстания. Очевидно неприятель тайно следил за охранным постом и ожидал, когда охрана совсем разложится. А что делал начальник гарнизона Рудаков? Почему он допустил подобное разложение? Он по-прежнему не верил в нападение, и потому посты были только для проформы. Сначала он придумывал пароли на каждый день, закладывал тщательно в конверты и отдавал начальнику караула. А потом и это ему надоело: он поручил делать это своему помощнику Степанову, который имел связь с белогвардейцами. Вот такая благоприятная обстановка складывалась для белогвардейщины, и в скором времени она вылилась в открытое восстание».

Что и говорить - уже после восстания окажется, что не только одни Степанов с Саверкиным были заговорщиками, многие служащие советской власти оказались вовлечёнными в повстанческую деятельность. Вот что об

этом говорят архивные документы. К восстанию по разным причинам активно примкнули:

Военкомат — военный руководитель Василий Степанов; помощник начальника комендантской части Евгений Норенберг; переписчики: Константин Вагин, Иван Дементьев, Николай Елютин, Андрей Зиновьев, Александр Конков, Сергей Поляков, Николай Поляков, Иван Федосеев, Николай Антонов.

Курмышское казначейство — счётчик Павел Мольков, писцы Григорий Ядров и Пётр Черноморкин.

Уездный печения отдел соц.обеспечения - руководитель отдела Михаил Саверкин, его заместитель и делопроизводитель отдела Иван Иванович Царицын, счётчики Василий Петрович Кислов (бывший прапорщик) и Николай Иванович Сперанский...

Согласитесь, что при таком раскладе, связанном с практически тотальным проникновением мятежников в органы власти, неведение советского руководства насчёт восстания вовсе не выглядит удивительным...

Как именно начиналось восстание? Детальное расследование по этому поводу провёл ревтрибунал в 1920 году, когда на скамье подсудимых оказался Тимофей Серапионович Королёв, бывший фельдфебель царской армии и бывший председатель сельсовета Казачьей слободы (поднимался вопрос и позже, уже во время репрессий 1937 года). Королёв пытался настаивать на том, что митинг в слободе возник стихийно и возмущённые крестьяне сами ринулись в Курмыш. Однако собранные факты свидетельствовали против него. Прежде всего надо отметить, что Королёв фактически убрал своего предшественника с должности председателя сельсовета, добившись его переизбрания. После чего повёл ярую антибольшевистскую агитацию.

Из свидетельских показаний, данных ревтрибуналу гражданином Василием Ивановичем Кузнецовым:

«2 сентября в слободе Казачьей было объединённое собрание граждан многих прилегающих деревень Стрелецкой, Казачьей, Деянова, Беловки, Романовки, Тимофеевки, Мальцево и Бортсурман. На собрании Королёв кратко обрисовал всю политику советской власти, призывая насколько помню к её свержению и говорил, что порядок может установить только Учредительное собрание... На собрании ещё выступал Владимир Логинов, который только что приехал с крестьянского съезда Советов из Пильни, который по продовольственному вопросу говорил, что крестьянам будут давать только по 15 фунтов муки и по три золотника пшена. Под влиянием этой речи толпа и двинулась в Курмыш».

А вот какую речь на митинге в слободе Казачьей произнёс Тимофей Королёв, согласно показаниям очевидцев:

«Граждане, мы не допустим над собой насилия. Вы должны понять, что война с Германией была священной, и мы должны были на неё идти. Но вот эта война незаконная, какая-то кучка людей забрала власть в свои руки, насилует нас, мобилизует ваших сынов и братьев и отбирает у нас хлеб,

последнюю скотину. Неужели мы допустим у себя, чтобы какая-то кучка несправедливых людей насильовала нас?! Нам следует встать как единому человеку, вооружиться и этой власти не будет!».

Очевидцы также сообщили, что был составлен протокол митинга, под которым многих заставляли расписываться чуть ли не силой...

Из показаний жителя села Мальцево Степана Кузьмича Егорова (1937 год): *«В 1918 году я участвовал в Курмышском контрреволюционном восстании. Из Мальцево я с односельчанами направился в Деяново, где присутствовал на собрании повстанцев, после чего толпой человек в 50 направился в Казачью, а потом в Курмыш, куда прибыли вечером в первый день восстания».*

Из показаний жителя слободы Стрелецкой Павла Алексеевича Голова (1937 год): *«Активное участие в восстании приняли следующие жители Стрелецкой: Соколов Семён Фёдорович и его брат Василий Фёдорович, Голов Александр Александрович, братья Фуфаевы Иван Алексеевич, Александр Алексеевич и Михаил Алексеевич. Всего нас было десять человек. Двое из них Кислов Пётр и Дубнов Михаил Петрович впоследствии были убиты... Во время восстания все вышеназванные люди были вооружены винтовками».*

Кстати, есть свидетельства того, что на митинг в Казачью действительно были вооружённые люди. И если это было так, то очевидно — митинг был только поводом для заранее намечавшегося мятежа...

В общем-то сам ход восстания на сегодня известен и описан краеведами. Отмечу только, что скорее всего, было две ударные группы. Первая, состоявшая главным образом из жителей Стрелецкой, пошла на штурм цейхгауза. Из показаний Павла Голова: *«В цейхгаузе были винтовки, а также мука и сахар-песок. Красноармейцы, охранявшие этот объект, не сопротивлялись, а бросились бежать по городу и по направлению к Суре, отстреливаясь. Повстанцы их преследовали. Был ещё захвачен пороховой погреб, который находился по Ядринской дороге... Меня, Голова Павла, оставили охранять цейхгауз...».*

Другая группа - из жителей Казачьей - под руководством Тимофея Королёва и Владимира Логинова в это время вышла к казарме, находившейся в школе. Что там именно произошло, не очень понятно до сих пор. Красноармеец Соколов, уцелевший после восстания, в 1920 году рассказал ревтрибуналу, что в казарме в тот момент было всего несколько человек. Сам он сидел на крыльце вместе с командиром красного отряда Михаилом Ивановичем Сидоровым. Когда показалась большая толпа восставших, Сидоров всё понял, достал револьвер и стал стрелять. К нему подскочил Тимофей Королёв, ударил командира, отобрал у него оружие, после чего из того же револьвера застрелил Сидорова (Соколов испугался и убежал).

Однако сам Королёв на заседании ревтрибунала это категорически отрицал. По его словам, Сидоров действительно открыл стрельбу, ранив его, Королёва, в руку. После чего председатель сельсовета Казачьей ушёл домой и больше в восстании не участвовал. А Сидорова восставшие стали избивать. В пользу Королёва говорят и показания врача уездной больницы Василия

Львовича Марсальского, куда позже был доставлен раненный командир Сидоров. Марсальский показал, что Сидоров был страшно избит толпой, однако никаких огнестрельных ран на нём в тот момент не было. Это подтвердил и милиционер Никифор Макарович Пыркин: *«До восстания я служил милиционером города Курмыша. На второй день восстания рано утром пришёл ко мне милиционер Васильев и позвал убрать раненных во время восстания. Врач Марсальский сказал нам, чтобы везли раненных к нему в больницу. После чего мы взяли в пожарном депо лошадь и выехали на улицу. Возле тюрьмы стояла толпа и нам сказали, что в доме гражданина Ивана Крюкова есть раненый. Мы поехали туда и на печке в доме вышеназванного гражданина Крюкова нашли Сидорова, которого я знал лично. Всё лицо и одежда его были в крови и узнать его было очень трудно. Я не знаю, кем и чем был ранен Сидоров. По дороге в больницу мы встретили акушерку Блаут, которая проводила нас до палаты».*

Но Сидорова больница всё же не спасла. По показаниям медиков, его убили в последний день восстания. В больницу явились пятеро неизвестных и из винтовки застрелили лежавшего на кровати красного командира прямо на глазах медсестры (её показания есть в протоколе заседания ревтрибунала). Не исключено, что это были родственники раненного Сидоровым Тимофея Королёва, решившие добить обидчика...

В ходе взятия казармы погиб и один из повстанческих лидеров прапорщик Владимир Логинов. Обстоятельства его гибели не совсем ясны. Есть только рассказ Алексея Чипчина, согласно которому, Логинов бросил в казарму гранату, но она не взорвалась. Красноармейцы выскочили из казармы, кто-то из них выстрелил и наповал убил прапорщика. Якобы этот боец убежать не успел, он споткнулся, упал, толпа его настигла и буквально затоптала насмерть. Остальные бойцы сумел скрыться. Кто этот красноармеец, не известно. Возможно, некий латыш по фамилии Бельчик, о котором писали краеведы. Впрочем, никаких иных дополнительных сведений на сей счёт мне не попадалось. Как не попадались подтверждения другого свидетельства (данного ревтрибуналу) о том, что во время штурма казармы был убит не один только Логинов, а ещё два человека — ещё один прапорщик и крестьянин слободы Казачьей. Эти сведения нуждаются в дополнительной проверке...

Вот так был разгромлен красный гарнизон Курмыша. По всей видимости большая часть красноармейцев разбежалась и попряталась кто куда. Одного из них повстанцы выловили в поле где-то 4 сентября. Это был красноармеец Виктор Михайловский. Его отдали на самосуд собравшейся толпе, которая и учинила свою страшную расправу. Алексей Чипчин стал свидетелем этой расправы: *«Красноармейца столкнули вниз по ступенькам. Вся вооружённая масса крестьян кинулась на него и со звериным рёвом начала наносить ему удары скребками, железными лопатами, кирками, и через несколько минут вместо статного молодого человека на земле валялись куски изрубленного мяса. Потoki крови залили все ступеньки парадного крыльца и землю кругом...».*

Ещё несколько бойцов ушли из города вместе с председателем Уисполкома Николаем Мартьяновым. Двое из них потом погибли вместе с Мартьяновым в деревне Новая Екатериновка... Уже после восстания, 9 сентября 1918 года военкомат опубликовал в одном из своих приказов поимённый список Курмышского гарнизона числом в 35 человек. Сложно сказать, кто из них служил в гарнизоне ранее, до мятежа. В этом же приказе, были упомянуты шесть человек, объявленных дезертирами, плюс указаны фамилии ещё восьмерых бойцов, объявленных пропавшими без вести в ходе восстания. Таким образом, с учётом погибших красноармейцев, можно предполагать, что старый гарнизон города практически полностью прекратил своё существования в ходе восстания. О дальнейшей судьбе этих бойцов можно только догадываться...

Но что же в это время делали местные большевики? И как организовывалась повстанческая власть? Об этом речь пойдёт далее...

Как уже говорилось, Курмышское восстание стало для большевистского руководства настоящим громом среди ясного неба. Из показаний, данных ревтрибуналу председателем городского совета Курмыша коммунистом Иваном Демидовым (1920 год): *«2 сентября в полдень было заметно какое-то брожение, в основном молодёжи из нежелания идти по мобилизации, которая ходила группами по улицам города. К вечеру толпы рассеялись, но по городу носились тревожные слухи. Вечером 2 сентября я работал в горсовете, когда ко мне подошёл член исполкома Григорьев, который сказал, что в городе берут цейхгауз и идёт стрельба. Я вышел на улицу и услышал шум толпы, и выделяющиеся какие-то крики и стрельбу. Затем я увидел предисполкома Мартьянова, члена исполкома Аксянова и двух красноармейцев, которые сказали мне, что противники хлебной монополии захотели пошутить. После чего я пошёл домой. Дорогой слышал стрельбу из ружей и разрывы бомб. Происходило это на Тихвинской площади около школы, где был расквартирован красноармейский отряд. Ночью также была слышна стрельба».*

А рано утром 3 сентября за Демидовым пришли повстанцы, чтобы арестовать: *«На мой вопрос о причинах ареста мне сказали, что «мы берём власть в свои руки и вы, как председатель горсовета, должны быть арестованы».* В числе арестовывавших меня я узнал прапорщика Жиганова, Ипата Дубнева и других. Из окон я видел толпы вооружённых граждан из слободы Казачей, Стрелецкой и Деянова».

По словам Демидова, Жиганов явно не горел желанием устраивать арест, но собравшаяся толпа буквально жаждала крови. Демидова вытащили на улицу, избili прикладом винтовки, вырвали кусок бороды... Затем погнали на площадь, где в это время шёл митинг восставших. Узнав среди митингующих Михаила Саверкина, Демидов спросил, за что арестован и почему над ним так издеваются? На что Саверкин ответил: *«мы ведём борьбу с большевиками, а такие как вы всегда идёте против меня на всех съездах, потому что вы — большевик»*, после чего приказал отвести арестованного в

тюрьму. Демидов оказался первым арестованным, следом пошли задержания других большевистских лидеров уезда: Волкова, Григорьева, Куликова, Смирнова, Серикова, Фролова. В 1937 году Михаил Фролов поимённо назвал в НКВД всех, кто его тогда арестовывал: повстанцы Сергей Дмитриевич Поляков (работник военкомата), а также некие Иван Моторин по прозвищу Ванька Рябой и Алексей Горубнов — к тому времени жив был только Поляков (Горбунова с Моториным расстреляла ещё в 1918-м ЧК сразу после подавления мятежа)... Некоторым советским руководителям, вроде Василия Завьялова и военкома Ивана Рудакова, удалось скрыться.

Из показаний, данных ревтрибуналу Рудаковым (1920 год): *«2 сентября в три был объявлен перерыв в мобилизационной комиссии. Когда часа в четыре я хотел возобновить заседание комиссии, то из мобилизованных никто не явился. Я с т. Завьяловым пошёл в Исполком, куда через некоторое время прибежал красноармеец, который сказал, что возле казармы идёт стрельба. Думая, что стрельба идёт в казарме среди мобилизованных, я пошёл туда вместе с Завьяловым, чтобы предотвратить её. Но по дороге нас предупредили, чтобы мы туда не ходили, так как могут нас убить. Около тюрьмы в нас были сделаны несколько выстрелов, после чего мы спрятались сначала в саду, а затем в одном доме, где просидели до 5 сентября, до прихода в Курмыш Красной армии...».*

Из всех ответственных советских работников лишь погиб председатель уездного Исполкома Советов Николай Мартьянов. Остальные подвергались аресту и избиениям. Особенно в деревнях и особенно крепко досталось работникам мобилизационных комиссий. Из свидетельских показаний жителя села Мальцево Егорова Степана Кузьмича (1937 год): *«На второй день восстания я ушёл из Курмыша. По дороге встретил своего тестя, Семёнова Петра Афанасьевича, который вёл под конвоем пойманного повстанцами председателя нашей призывной комиссии. Я предупредил тестя, чтобы тот доставил задержанного в Мальцево. Мой тесть доставил председателя призывной комиссии в Мальцево, где последнего сильно били повстанцы, после чего его отвезли в Деяново».*

Из заявления в ЧК жителя села Знаменское Ильи Емельянова (1918 год): *«Во время Курмышского контрреволюционного восстания гражданин села Знаменское Ермолай Васильевич Матяшин был со своим сыном Дмитрием в Курмыше. Его сын Дмитрий подлежал мобилизации. У нас в селе был сход по поводу арестованного члена мобилизационной комиссии Захарова. На том сходе Матяшин агитировал против Совета, призывая его сменить, говоря при этом: «Я с сыном был в Курмыше, и мы там разбили Совет, отобрали от них там деньги и поставили у власти хороших людей — Саверкина и других. А председателя Совета Мартьянова, мать его эти, изрубили на куски». Уговаривал, что теперь нам нужно соорганизоваться и идти вооружёнными на помощь новой власти». Его агитация действовала на массу, и он призывал убить тов. Захарова. Сын Матяшина Дмитрий взял винтовку и направил её на Захарова, говоря: «Раскроить бы тебе лоб».*

Захарова, впрочем не убили, но зато сильно избили...

Что касается Мартьянова, то никто его в Курмыше не убивал и на куски не резал. Сегодня все подробности его гибели, как и гибели сопровождавших его красноармейцев хорошо известны (см. упомянутую книгу Сергея Кузнецова). Поэтому я не буду детально на этом останавливаться. Отмечу лишь некоторые нюансы. У краеведов наблюдается большая путаница в том, где был Мартьянов в момент восстания. Называли даже Пильню. На самом деле Мартьянов находился в Курмыше — об этом есть сразу несколько свидетельств. 2 сентября он председательствовал на учительском уездном съезде, где обсуждалась реформа школьного образования. Об этом съезде пишет в своих воспоминаниях учитель Алексей Чипчин, приводя интересные подробности, которые я опускаю (они наверняка заинтересуют тех, кто изучает историю школьной реформы первых советских лет). По словам Чипчина, в самый разгар съезда Мартьянов получил записку следующего содержания:

«Товарищ Мартьянов. Сейчас из Стрелецкой идёт вооружённая масса свергать большевиков. Сопротивление невозможно и бесполезно. Спасайтесь скорее. Другие комиссары буду извещены, если не опоздаю. Милиционер Кориунов».

Чипчин вспоминает, что Мартьянов сильно побледнел, поручил ему, Чипчину, вести собрание дальше и ушёл. Больше его Алексей не видел. А скоро на улицах началась сильная стрельба, учителя испугались и разбежались по домам. Из архивных материалов НижГубЧК:

«Председателю уездного исполкома Советов тов. Мартьянову с пятью красноармейцами удалось вырваться из Курмышя. Однако по пути в г. Ядрин попали в засаду белогвардейцев и кулаков. Мартьянов и два красноармейца были зверски убиты, их трупы обезображены... Убивали их в деревне Новая Екатериновка. Очевидцы, местные крестьяне, потом рассказывали, что Мартьянову (левый эсер, перешедший на большевистскую платформу) ещё живому отрезали язык, уши, нос и, наконец, размозжили голову. Красноармейцам перед казнью отрезали нос и уши... Непосредственным истязателем и убийцей стал местный кулак И.И. Чернов, впоследствии расстрелянный».

В советское время была распространена версия, что Мартьянова якобы убили по приказу повстанческих лидеров. Однако версия не нашла своего подтверждения ни в 1918 году, ни позже. Мало того, есть свидетельства, что это убийство стало для этих лидеров очень неожиданным и неприятным сюрпризом. А Василий Зотович Степанов даже сказал одному свидетелю: *«Зря он убежал из Курмышя. Остался - был бы сегодня жив»...*

Итак, в Курмыше произошёл переворот. Взявший власть в свои руки «Комитет общественной безопасности» утром 3 сентября собрал повстанческий сход, на котором было принято решение созвать вместо упразднённого уездного Совета новый властный орган - «Комитет спасения родины и революции». Членов это Комитета избирали прямо тут же, на сходе (протокол схода вёл местный учитель Иван Данилович Вечерин).

Из показаний, данных ревтрибуналу бывшим членом «Комитета спасения родины и революции» Иваном Игнатьевичем Царицыным (1920 год):

«На второй день восстания, около 9 часов утра, я пошёл из дому на обычные канцелярские занятия в отдел социального обеспечения Совета, где служил делопроизводителем. Другой цели идти в город у меня не было. В это время я услышал, что на площади собирается сход. И я пошёл туда. Собрание (сход) открыл Саверкин. Моя кандидатура была выставлена под конец собрания. Кандидатуры в Комитет назначались в отдельности, но список голосовался в целом. Точное количество лиц для Комитета определено не было».

Из показаний, данных в НКВД бывшим членом «Комитета спасения родины и революции» Степаном Васильевичем Севрюгиным (1938 год):

«Во время восстания я вместе с отцом ездил в лес драть мочало... Когда вернулся в город, то узнал от соседа, что в городе идут вооружённые столкновения и даже слышал отдельные выстрелы. Утром я пришёл на базарную площадь города, где стояла толпа человек в 30 или больше, часть которых была вооружена. Подойдя к толпе, я увидел Саверкина, Степанова и Норенберга, которые с оружием в руках призывали к борьбе с советской властью. Через несколько минут толпа двинулась к зданию гимназии, около которой открылся митинг под руководством Саверкина. По его предложению стали избирать на этом митинге так называемый «Комитет спасения родины и революции», который должен был явиться властью в Курмыше. Туда избрали и меня».

Судя по всему, ядром Комитета, по сохранившимся архивным документам, стали Михаил Петрович Саверкин, эсер, осуществлял общее руководство; Степан Васильевич Севрюгин, эсер, бывший унтер-офицер Балтийского военно-морского флота, исполнял обязанности коменданта Курмыша; Василий Зотович Степанов, бывший штабс-капитан, военный руководитель повстанцев; Евгений Владимирович Норенберг, бывший прапорщик, начальник военного штаба; Иван Игнатьевич Царицын, бывший чиновник. Остальные, которых иногда называют в литературе — бывший купец Мендель, военный чиновник Александр Степанов и т.д. скорее всего играли только вспомогательную роль, хотя и были в повстанческом активе.

Чего добивался этот Комитет? Особенно его лидеры, которые организовали восстание? В архиве Арзамаса сохранилось несколько повстанческих документов от 3 сентября 1918 года. Один из них - это воззвание к крестьянству уезда, следующего содержания:

«Граждане, советская власть глумилась над нами более полугода, она упраздняется, на месте восстановлена власть трудового крестьянства. Но эта власть может сохраниться при вашей поддержке, поэтому временный Комитет предлагает вам сейчас же:

1. На первых порах прислать добровольцев в гор. Курмыш на защиту власти трудового крестьянства, если не хотите, чтобы вас мобилизовала советская власть.

2. Немедленно присылайте хлеба на прокормку своих сыновей, если не хотите, чтобы вашим хлебом кормили германцев.

3. Восстановите в волостях свою власть на защиту трудового крестьянства, своей земли и воли, чтобы эта воля не досталась в выплату контрибуции.

4. Организуйте добровольческие отряды и снабжайте их всеми имеющимися оружием и другими боевыми припасами.

5. Устанавливайте связи с другими селениями, где существует советская власть, которую упразднить.

6. Присылайте своих выборных для создания власти трудового крестьянства в уезде.

7. АРМИЯ, ОРУЖИЕ И ХЛЕБ!»

Это воззвание было дополнено обращением к волостным Советам:

«Всем волостным исполнительным комитетам. Препровождая при сем воззвание о свержении советской власти Комитет предписывает. Волостному комитету по получении сего тотчас же собрать волостной сход, на котором в первую очередь прочитать означенное воззвание, затем волостному комитету тотчас же прекратить свои функции и таковой упразднить. И избрать впредь до установления власти временный Комитет спасения родины и революции, коему вручить всю власть волости и исполнять распоряжения данного комитета. Волостному сходу предлагается для защиты власти трудового крестьянства волости выполнить предлагаемое воззвание, а в виду критического положения гор. Курмыша выслать вооружённые добровольческие отряды на помощь Комитету в гор. Курмыш».

Как видим, перед нами типичное эсеровское обращение образца 1918 года, которое объявляло большевиков «агентами германского кайзера» и «врагами трудового народа». И главной своей задачей «Комитет спасения родины и революции» видел прежде всего в создании боеспособных вооружённых сил для сопротивления Красной армии. Мало того, по сохранившимся свидетельствам, навстречу белой «Народной армии» самарского правительства от повстанцев были посланы специальные курьеры - жители слободы Казачьей братья Елесины, Иван Петрович и Алексей Петрович, а также прапорщик Жиганов. Отсюда вывод — восстание поднималось прежде всего с целью соединения восставшего Курмыша с белыми частями.

Насколько удалась эта агитация, судить очень сложно. Да, восстание охватило сразу несколько волостей по обеим берегам реки Суры. Да, при разграблении городского цейхгауза во время восстания оружие расхватывали охотно и кто только мог. Однако присылать серьёзную помощь Комитету волости явно не спешили — крестьяне, восставшие против принудительной мобилизации в Красную армию и вообще против участия в гражданской войне, отнюдь не горели желанием вступать в повстанческое войско. Отряд самообороны при деревне ещё могли создать и даже признать власть «Комитета спасения», но вот с отправкой людей в Курмыш дело обстояло туго — это отмечают практически все свидетели. Известно, только, что своих

людей прислали чуваша из Засурья — около 220 человек, которых разместили в бывшей красноармейской казарме. Алексей Чипчин вспоминает, как в его присутствии Михаил Саверкин поинтересовался у Василия Зотова, сколько людей имеется в его распоряжении. Тот бодро сказал про чуваш и ещё про сотни бойцов - всего около тысячи человек - якобы имевшихся в повстанческих вооружённых силах. Мне кажется эта цифра сомнительной, в реальности людей было куда как меньше. Ведь даже офицеры шли в новую армию не очень охотно, чего уж там говорить о других жителях!

Из показаний, данных ревтрибуналу прапорщиком Алексеем Петровичем Богоявленским (Богоявленский Алексей Петрович, 1897 года рождения, уроженец города Курмыш. В 1916 году закончил Тифлисскую школу прапорщиков. Направлен на австрийский фронт, где под Тернополем был ранен в ногу. Затем служил в Саранске, в 101-м запасном полку. После революции демобилизовался и вернулся в Курмыш):

«На второй день восстания ко мне на квартиру явились вооружённые люди и объявили, что меня требуют в штаб. Увидел там Саверкина и Степанова, которые мне объявили, что как офицер мобилизуюсь, а в ответ на мои протесты пригрозили расстрелом как дезертира. После чего поставили меня во главе отряда в 10-15 человек и послали на большую дорогу около Стрелецкой слободы. Придя туда, моя команда разошлась по домам. Я вернулся обратно домой, где находился до вечера. Вечером Саверкин проверял отряды и не нашёл меня. Он послал ко мне на дом, чтобы я явился в штаб. Откуда вновь послал к отряду, заявив, что разберётся со мной потом. Мне была дана верховая лошадь. Я явился к мельнице и не найдя никого и боясь угроз Саверкина, ушёл домой, после чего скрылся в Нижегородской губернии. Об организации восстания ничего не знаю, так как в это время я изучал пчеловодство у тётки в Ядринском уезде и только за два дня до восстания вернулся в Курмыш».

Из показаний, данных ревтрибуналу прапорщиком Константином Николаевичем Вагиным (Вагин Константин Николаевич, 22 лет, уроженец села Княжья Гора Курмышского уезда, в декабре 1917 года закончил школу прапорщиков в городе Гори Тифлисской губернии):

«На второй день восстания в 11 часов утра ко мне на квартиру явился брат главаря Саверкина Александр с вооружёнными людьми и сказал мне, что меня вызывает Степанов в военный комиссариат, где я служил переписчиком. Степанов предъявил мне свой мандат о том, что является начальником вооружённых сил в Курмышском уезде. Как бывшего офицера Степанов объявил меня мобилизованным, предупредив, что в случае пассивных действий ко мне, как офицеру, будут применены меры, вплоть до расстрела. Я отказаться не смог. Кроме этого по городу ходили толпы взбунтовавшихся мобилизованных во главе с Саверкиным и от которых кроме самосуда ждать больше было нечего. После этого Степанов объявил меня мобилизованным, выдал мне револьвер и словесный приказ, чтобы я с выстроеными возле комиссариата людьми вышел на гору, в распоряжение Норенберга. Там я сдал этих людей Норенбергу и ушёл на квартиру. Больше никакого участия в

восстании не принимал и умышленно скрывался, чтобы не попасть на глаза Степанову. При наступлении Красной армии бежал в общей панике. Револьвер, выданный Степановым, я потерял во время бегства из Курмыша».

Конечно, эти показания явно направлены на то, чтобы сгладить свою вину за участие в восстании. И если показания Богоявленского, на мой взгляд, ещё смотрятся правдивыми — он вообще не хотел воевать ни на чьей стороне, то с Вагиным сложнее: имеется не одно свидетельство его активного участия как в заговоре, так и в организации повстанческой армии. Впрочем, сейчас сложно что-либо утверждать однозначно. Важно то, что формирование вооружённых сил у «Комитета спасения» шло очень непросто, и большая часть населения города и уезда заняли явно выжидательную позицию...

Краеведы много писал о том, что повстанцы якобы превратили Курмыш чуть ли не в настоящую крепость, окружив его линией окопов, и организовали грамотную оборону. Ничего такого лично мне в архивах не попадалось. Да и кого можно было всерьёз загнать на тяжёлые окопные работы?! Неужели мятежных мужиков, которые только-только вкусили радость победы над ненавистными Советами, да ещё получили в руки оружие? Ага, попробуйте это сделать на практике... Скорее всего никаких окопных работ не было, по причине элементарной нехватки людей. Как не было и никакой серьёзной обороны. По отрывочным свидетельским данным, «Комитет спасения» организовал только два усиленных вооружённых заслона. Один на другом берегу Суры, в районе деревни Берёзовка — командир группы прапорщик Норенберг. А другой заслон к северо-западу, в районе деревни Кекино — командир неизвестен. Первый заслон прикрывал Курмыш от Ядрина, где расположилась Казанская ЧК во главе с комиссаром Карлом Грасисом. А другой прикрывал направление на Васильсурск, где вдоль Волги располагались сильные отряды Красной армии, которые должны были задержать возможный прорыв белых со стороны Казани.

Надо сказать, что повстанцы не ошиблись. Утром 4 сентября из Ядрина вышел отряд чекистов, который двинулся к мятежному Курмышу. Далее произошёл известный бой возле Берёзовки, который закончился поражением красных и их отступлением. Не буду детально рассказывать про этот бой, его уже не раз и подробно описали краеведы. Только отмечу, что победа группы Норенберга стала возможной благодаря меткой пулемётной стрельбе. Имя пулемётчика всплыло в 1930-е годы, во время массовых репрессий бывших повстанцев. Им оказался бывший унтер-офицер Семён Фёдорович Соколов (Соколов Семён Фёдорович, 1888 года рождения, из крестьян-середняков, житель слободы Стрелецкой. Служил в царской армии с 1909 по 1913 годы, старший унтер-офицер, пулемётчик. После начала Первой мировой войны - инструктор пулемётной школы в Нижнем Новгороде, с 1916 года на австрийском фронте. Вернулся домой после революции).

Как видим, это был настоящий ас в своей военной профессии — иначе не служил бы инструктором. Вот он-то и устроил ядринским чекистам жестокий огневой отпор. По показаниям свидетелей, Соколов был активным повстанцем, главным в Стрелецкой, вооружал собранных им людей, которых

затем повёл в Засурье, под Берёзовку. Именно жители Стрелецкой, судя по всему, и стали основой отряда Норенберга. Из показаний бывшего повстанца, жителя Стрелецкой, в НКВД, 1937 год (фамилию свидетеля называть не буду, но таких показаний насчёт Соколова было не одно):

«Я лично видел, как Соколов командовал отрядом повстанцев, обороняя Берёзовский посёлок от красных. Он лично вёл огонь из пулемёта по наступавшим из Ядрина чекистам. А когда отступали, он утопил этот пулемёт в реке, чтобы не достался красным»...

Однако праздновать победу повстанцам долго не пришлось. Уже рано утром 5 сентября «Комитет спасения» получил из Пильны тревожное телеграфное сообщение о том, что через Пильню в Курмыш направляется сильный отряд Красной армии. Согласно архивной справке УФСБ по Нижегородской области, повстанцев проинформировал начальник-почтово-телеграфной конторы Пильни И.Н. Сухарев, который явно сочувствовал восстанию. Сухарев имел в виду появившийся у него в посёлке отряд В.И. Гарина, численностью (по более поздним архивным данным Курмышского военкомата) в 120 штыков. Никакого серьёзного прикрытия с этой, южной стороны у повстанцев не было. Кроме того, младший брат главаря восстания Александр Саверкин, который ходил на разведку в сторону Ядрина, доложил, что ядринским чекистам прибыло серьёзное подкрепление из Васильурска, с артиллерийскими орудиями. Сил для круговой обороны не оказалось, что лишний раз говорит о незначительной численности повстанческого войска. Да и не стремились вожди восстания к этой обороне. Скорее всего они ждали связи с белыми частями «Народной армии», чтобы получить дальнейшие указания. А этой связи не было, посланные курьеры так и не вернулись, что, по свидетельству Алексея Чипчина, очень сильно заставляло нервничать Михаила Саверкина.

В общем-то нервничал он правильно. Как раз в это время, в первых числах сентября, успехи белых на фронтах закончились. Красная армия перешла в решительное наступление, а «Народная армия» ушла в глухую оборону. И если бы её представители даже сумели бы организовать связь с мятежным Курмышом, то реально помочь ему уже ничем не могли. 12 сентября 1-я Красная армия отбила Симбирск, а ещё 10-го части 5-й Красной армии взяли Казань. Фронт стремительно откатился за Волгу. Конечно, «Комитет спасения» ничего этого не знал, но чувствовал, что дело близится к нехорошему для восстания финалу. Поэтому после получения разведанных об усилении карательных красных войск, вожди повстанцев решили оставить город и уйти через фронт к своим...

Несколько слов о карательных красных отрядах. Краеведы писали чуть ли не «несметных силах», которые якобы двинулись на Курмыш и даже блокировали его. Называли каких-то латышских стрелков, симбирских чекистов во главе с самим начальником ЧК Левиным, отряд под личным командованием начальника мобилизационного отдела 1-й армии Ибрагимова... Ничего такого мне лично в архивах не попадалось — у Левина явно хватало работы в Алатыре, а у Ибрагимова - в Саранске, да и документы

их ведомств вообще ничего не говорят о восстании в Курмыше. В архивах фигурируют только два отряда - Ядринского ЧК под руководством латыша Карла Грасиса и отряд В.И. Гарина, который шёл с юга.

Кто этот Гарин, точно пока не известно. В электронной статье об истории органов безопасности Ульяновской области глухо указывается на то, что симбирские чекисты *«участвовали с отрядом ЧК под командованием Гарина в подавлении опорных пунктов белогвардейцев в Карсунском, Ардатовском, Алатырском, Курмышском уездах»*. Однако в архивных документах по Курмышскому восстанию Гарин числится вовсе не за ЧК, а за Красной армией — после подавления восстания он станет во главе гарнизона города. Мне кажется, что его отряд был армейским, но подчинялся Мобилизационному отделу и имел цель карательными мерами содействовать призыву в армию. Чем он и занимался в указанных уездах Симбирской губернии — очевидно также, привлекался фронтовой ЧК и для подавления любых восстаний вообще.

По отряду, шедшему из Ядрина, известно больше. После неудачного наступления своими силами Грасис, по всей видимости, запросил поддержки. И получил её в виде Нижегородского Советского полка под командованием бывшего унтер-офицера царской армии Николая Ивановича Леонтьева (Леонтьев Николай Иванович, 1897 года рождения. Родом из Нижегородской губернии. Работать начал с 13 лет, дорожным рабочим. Участник Первой мировой войны, награждён солдатским Георгиевским крестом. Принял активное участие в революционных событиях. С начала 1918 года служил в Нижегородском Советском полку численностью, по разным данным, от 250 до 400 штыков. Основное место базирования полка — Красные казармы на Нижне-Волжской набережной Нижнего Новгорода).

Как я уже писал полк использовался в качестве карательной части при подавлении крестьянских восстаний в юго-восточной части Нижегородской губернии. В июле полк подавил восстание в Быковке, после чего отошёл к Васильсурску — в это время ожидалось наступление белых от Казани к Нижнему Новгороду, и по всей Волге ставились заслоны из красноармейских частей, усиленных артиллерией. Одним из таких заслонов и стал Советский полк. Именно его отправили на помощь Грасису. Всего, по свидетельству коммуниста Батянова, было около 200 человек, с 50 кавалеристами, 8 пулемётами и тремя орудиями.

Как указывает в своих воспоминаниях Леонтьев, на Курмыш решили двигаться не по дороге, а вдоль Суры: *«Мы сошли с парохода у Лысой горы. Нам предстоял более чем 30-километровый пеший переход. Отряд шёл берегом Суры, и когда до Курмыша оставалось не более 10 километров, нас встретил старый коммунист Завьялов, специально посланный от партийной организации. Он посоветовал:*

- Чтобы застать их врасплох, вам надо задержаться и грянуть в Курмыш после двух часов ночи. К тому времени наши коммунисты подготовятся и помогут более успешно провести операцию.

- Так и сделаем, - сказал я, пожимая руку товарищу.

Остаток дня мы провели в небольшой рожице. Отдохнули, а когда на небе загорелись звёзды, двинулись в путь. В Курмыше отряд был часа в три ночи, когда все жители спали. Заняв здание уездного комитета партии, исполкома и военкомата, бойцы отряда вместе с коммунистами приступили к обыскам...».

Так это было в точности или нет, но подтверждением служат многочисленные свидетельства, которые указывают, что в ночь с 5 на 6 сентября город пал совершенно неожиданно, без единого выстрела — вчера была одна власть, а проснулись — уже другая. Кстати, рядовые повстанцы потом ставили это обстоятельство своим вождям в упрёк — ибо вожди восстания бросили их, никого не предупредив. Сбежали они по-тихому, ближе к вечеру 5 сентября...

Сразу же после занятия Курмыша уполномоченный Казанской ЧК в Васильсурском и Ядринском уездах латыш Карл Грасис отстучал по телеграфу в Алатырь: *«Курмыш занят советскими войсками. Учреждён Революционный комитет. Белогвардейские части отступают направлению Ибреси и Пильны. Немедленно командуйте отряд направлению Курмыш».*

Как видим, красные толком не знали, куда девались повстанческие лидеры, и это лишний раз говорит о том, что никакой блокировки Курмыша со стороны красных не было. Чуть позже Карл Грасис отстучал: *«Саранск, Алатырь, Рузаевка, Ядрин, Васильсурск, Шихраны, Ибреси, Пильня, Сергач, Арзамас... Курмыш занят советскими войсками... Примите меры задержанию Михаила Саверкина, Василия Степанова, похитивших триста семьдесят пять тысяч рублей народных денег... Приметы. Саверкин - брюнет, бритый, короткие усы, ниже среднего роста, близорукий, носит пенсне, при разговоре как бы захлёбывается, белое лицо... Степанов - выше среднего роста, шатен, худощавый, бритый, длинные светло-русые усы, немного кривые ноги, смуглое лицо».*

Речь идёт о полумиллионе рублей, которые повстанческие лидеры перед своим бегством похитили из Курмышского Казначейства. Эту историю я подробно описал в прошлогодней статье «Деньги для контрреволюции» — <https://vadim-andruhin.livejournal.com/4452.html>. Здесь же замечу, что они ушли вовсе не в сторону Пильны, как полагал Грасис, а совсем в другом направлении, переправившись через Суру. Из показаний, данных в 1919 году на допросе в Курмышской уездной милиции бывшим членом «Комитета спасения родины и революции» Иваном Царицыным:

«... в виду приближения красноармейцев к городу все находившиеся в штабе белогвардейцы, в том числе и я, отправились по направлению к Пандиковской пристани, захватив с собой денежный ящик и два пулемёта. Когда переправились через Суру, то в числе белогвардейцев были следующие лица: Иван Александрович Коннов, Сергей Петрович Кузьмин, Саверкин, Мендель, Осипов, Воронов, Алексеев, Норенберг и много других, которых я не знаю, всего около 50. Из перечисленных лиц — Иван Алексеевич Коннов — отстал от отряда около села Штанаш. Когда было обнаружено, что он скрылся, то Саверкин заявил, что Коннов захватил с собой деньги, выданные

ему для раздачи отступавшим белогвардейцам в суточное довольствие, но сумму не сказал. Сергей же Кузьмин всё время находился с нами вплоть до ареста в пределах Алатырского уезда. В дороге всем членом отряда Саверкиным выдавались суточные деньги и кроме того одновременно было выдано по 1 000 рублей каждому. Коннов в этой получке не участвовал, так как ещё до получки скрылся. От села Штанаши отряд белогвардейцев направился по направлению к Буинскому уезду. По дороге у села Большие Токташамы оба находившихся у нас пулемёта были зарыты. Место, где это было сделано, указать не могу, так как местность незнакомая, да кроме того зарывали ночью. Место может указать наш проводник из граждан Ходаровской волости Фёдор Моисеев (или Мосеев). В пределах Буинского уезда из всего отряда осталось нас 7 человек, в том числе и Саверкин, остальные разбежались отдельными группами по разным направлениям. Затем в один из дней Саверкин, его брат Александр и Степанов нас покинули, а я вместе с Кузьминым, Крыловым и Галаховым направился обратно в Курмыш. Денежный ящик Саверкиным был уже брошен и деньги хранились в мешке»...

Вот так закончилось Курмышское восстание — бегством и исчезновением его лидеров. Между тем, спустя несколько дней после занятия города, примерно 8 сентября, в Курмыш вступил отряд Гарина, шедший от Пильны через Мальцево, Бортсурманы, Деяново. Он также не встретил никакого сопротивления. Впрочем, в 1937 году появились свидетельские показания, что жители Мальцево всё же пытались устроить отряду Гарина засаду: «Карасёв Михаил Андреевич во главе отряда повстанцев в 1918 году возле Шипиловского поместья хотел напасть на отряд красноармейцев, шедших из Пильны. Но когда увидели двигавшийся по дороге большой отряд, многочисленный и сильный, Карасёв М.А. со своими товарищами Козловым Александром Кузьмичём, Спириным Николаем Николаевичем и др. бросились бежать. После чего долгое время скрывались. А Козлов Александр Кузьмич был ранен красными и схвачен...».

Вот и всё «сопротивление»... Но это не помешало отряду Гарина во время своего марша устроить настоящую кровавую баню жителям мятежных сёл! Об этом, как о других жертвах красного террора, поговорим в последней части повествования. Скажу лишь коротко - за всё поплатились далеко не самые активные участники мятежа. Вождям и прочим активистам восстания в этом плане повезло куда больше...

Сразу после занятия Курмыша советская власть была восстановлена - уездный исполком возглавил коммунист Василий Завьялов. Однако почти полтора месяца, до середины октября 1918 года реальное управление уездом было сосредоточено в руках чрезвычайного временного Революционного комитета в составе коммунистов Григорьева, Короткова, Аксянова, Серикова. Плюс от ЧК — казанский чекист Браман, от Красной армии — В.И Гарин. Первым же своим приказом комитет ввёл в уезде военное положение, а дальше пошла целая серия распоряжений, копии которых ныне хранятся в архиве

Арзамаса. Приказы требовали от населения немедленной сдачи оружия, вводили комендантский час с 8 вечера, запрещали свободную продажу хлеба, запрещались любые митинги и политические собрания, всем домовладельцам предписывалось сообщать о появлении любых сторонних людей, не имевших специального пропуска от властей, в церквях запрещался колокольный звон (кроме набата в случае пожаров, сами церковные службы были разрешены), от всех офицеров требовалось явиться на обязательную регистрацию... За невыполнение любого из этих пунктов Революционный комитет грозил самыми суровыми мерами, вплоть до расстрела. Впрочем, были не только угрозы — в уезде ещё до полного подавления восстания развернулся красный террор против участников восстания, как настоящих, так, очевидно, и мнимых...

Тема этого террора в Курмышском уезде сложна по двум главным причинам. Первая — нет документально-точных сведений о точном количестве расстрелянных. Вторая — тема сильно политизирована, особенно со стороны людей, которые радикально-критически относятся к советскому прошлому и пытаются сделать из Курмышской трагедии агитационную картинку для своих политических убеждений. Никакие факты и никакая логика этих людей абсолютно не волнует, поэтому дискутировать с этими персонами бесполезно, да и не собираюсь это делать. Я только выскажу свою точку зрения на сей счёт, без каких-либо претензий на истину в последней инстанции. Понимаю, что вопросов здесь будет возможно ещё больше, но тем не менее...

Итак, через несколько дней после подавления восстания ЧК Восточного фронта направила в Алатырь (как центр Симбирской губернии на тот момент) списки жителей уезда, расстрелянных за контрреволюцию — для опубликования этих списков в местной печати. По всей видимости, речь идёт о том самом списке, который позднее появится в казанской газете «Знамя революции» - убитые карательным отрядом Гарина во время похода на Курмыш жители Борстурман, Мальцево и Деяново, всего 64 человека. Добросовестное расследование этой трагедии провела краевед Елена Адушева в материале «Перечёркнутые имена», к нему всех интересующихся и отсылаю - <http://pilna-tribuna.ru/articles/media/2017/2/25/perecherknytyie-imena-pamyati-1918-goda/>.

Однако карательные акции на этом не закончились. Известно, что следом под удар попали жители Курмыша и его окрестностей. И вот тут начинаются сплошные загадки. Алексей Чипчин вспоминает, что в городе террором занималась местная ЧК, названная здесь Чрезвычайно-следственной Комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. По его словам, Курмышская ЧК в лице казанского чекиста Грасиса, отправляла, согласно местной терминологии, «на пески» (то есть расстреливала) арестованных людей десятками. Но сколько именно было этих десятков? Сотня людей, две, три - а может и больше, а может и меньше? Понятно, что Чипчин при этом сам ничего такого не видел, а только пользовался слухами.

В газете «Правда» от 18 сентября была опубликована информация о том, что по постановлению Чрезвычайной комиссии на Чехословацком фронте, в состав которой и входила Курмышская ЧК, расстреляно 658 участников Курмышского белогвардейского восстания. Вроде есть подтверждение этой страшной цифры - в исторической работе известного в нашей стране специалиста по истории российского крестьянства в годы революции Таисии Осиповой «Крестьянский фронт в гражданской войне». Цитата: *«В начале сентября 1918 года в Курмышском уезде Симбирской губернии было расстреляно до тысячи крестьян, отказавшихся явиться на призывные пункты»* (РГВА, ф.11, оп.8, д.239, л.16). Казалось бы, вопрос о жертвах закрыт. Однако...

1 ноября 1918 года, то есть спустя полтора месяца после публикации в «Правде», в журнале «Красный террор» (печатный орган ЧК Восточного фронта) появилось сообщение от Курмышской ЧК, где утверждалось, что *«за время подавления восстания и существования комиссии расстреляно 109 человек явных белогвардейцев»*... Согласитесь, такой разброс, абсолютная нелогичность и явное не соответствие слишком велики — 658 расстрелянных в первые недели после восстания... и 109 жертв за целых два месяца красного террора (?!). Кто же тут прав?

Полагаю, что ближе к истине сообщение ЧК Восточного фронта. И не только потому, что цифра в тысячу казнённых для Курмыша и его окрестностей (а именно там с приходом красных, по сообщению свидетелей, и творились основные расстрелы) слишком велика: с учётом трёх тысяч проживавших здесь перед революцией получается, что расстреляли практически каждого третьего, что не находит ни малейшего подтверждения в архивах. Дело ещё в том, что после сообщения «Правды» о сотнях расстрелянных эта информация была затем перепечатана во многих других советских изданиях. А вот газета «Северная коммуна», выходившая в Петрограде, выступила с опровержением и сообщила, что произошла опечатка и на самом деле в Курмыше расстреляли 85 человек, а вовсе не 658. По этому поводу между историками Санкт-Петербурга, занимающихся гражданской войной, произошла даже небольшая дискуссия. Профессор Илья Ратьковский, известный специалист в нашей стране по репрессиям времён гражданской войны, сделал следующее заключение:

«При подавлении восстания в г. Курмыш Симбирской губернии постановлением ЧК Восточного фронта были расстреляны 64 человека, а затем ещё 658 после взятия города. Сообщение о расстреле в Курмыше поместили все советские центральные и губернские газеты, тем самым подтверждая акт террора. Из периодических изданий лишь "Северная Коммуна" дала опровержение этому сообщению со ссылкой на опечатку при публикации численности подвергнутых высшей мере - 85, а не 658 расстрелов, но оно обесценивается своим единичным характером».

С ним категорически не согласилась историк-публицист Елена Прудникова, которая заметила: *«А вот и ничуть не обесценивается! Я сама журналист и отлично знаю, как это бывает. Все центральные, губернские и*

прочие издания тупо передирают друг у друга сообщения, источником которых была какая-то местная газета. И лишь в редакции «Северной коммуны» соизволили немножко пошевелить мозгами, соотнести эту цифру с реальным масштабом красного террора и запросить подтверждение с места. Если бы не они, эта опечатка так и вошла бы в историю под видом «достоверного факта».

Я согласен с Еленой... Конечно же, возникает закономерный вопрос — а как быть с сообщением историка Осиповой о почти тысяче расстрелянных, и у которой есть ссылка на архивные данные в РГВА? Отвечу так - мне бы лично очень хотелось бы посмотреть на этот документ и узнать, что конкретно в нём говорится. Не исключаю, что там также приведена та самая опечатка, которая, собственно, и попала в газеты. А может вообще этот документ представляет собой просто вырезку из той же «Правды» - в архивах попадаются и такие документы эпохи... Ещё раз подчеркну, это сугубо моя личная точка зрения. Готов выслушать любое здравое возражение, желателен подкреплённый документами — за свою упёрто не цепляюсь...

Итак, на мой взгляд, красный террор унёс жизни 109 жителей Курмышского уезда. И эта цифра, пусть и не в тысячу человек, на мой взгляд тоже страшна для маленького Курмышя - 64 человека были расстреляны в ходе рейда отряда Гарина, потом эта цифра к середине сентября выросла до 85 (ошибочно преподнесённая советской прессой за 858) и дошла до 109 к концу октября — таким образом, главный террор шёл в сентябре. Скорее всего именно сентябрьские жертвы имел в виду Алексей Чипчин, когда говорил о десятках убитых по приказу Грасиса. К большому сожалению большинства имён этих людей мы до сих пор не знаем. Конкретные списки не известны, дел Курмышской ЧК за 1918 год вообще сохранилось очень мало, да и датируются они октябрём-декабрём, когда расстрелы применялись уже только в исключительных случаях...

... По всей видимости среди казнённых были как реальные участники восстания, так и случайные жертвы. Например, жители слободы Казачьей Алексей Сергеевич Королёв, Дмитрий Петрович Королёв (племянник организатора восстания Тимофея Королёва), Михаил Якимов, Иван Моторин (по прозвищу Ванька Рябой), Алексей Горбунов, жители слободы Стрелецкой Пётр Кислов, Михаил Петрович Дубнев - были расстреляны за восстание. Кто-то из них участвовал в перевороте, кто-то в арестах и избиениях коммунистов, а кто-то воевал против ядринских чекистов. Но таких, как мне кажется, было меньшинство. Большая часть, скорее всего, просто попала под кровавую раздачу.

Ситуацию усугубляло то, что очень многие жители Курмышя во время мятежа расхватили оружие из цейхгауза и потом в течении нескольких дней болтались с винтовками по городу - и сложно потом было судить, реальный это был повстанец, или обычный обыватель, который по собственной дури решил вооружённым покрасоваться перед соседями. И хорошо, если находились свидетели, которые могли заступиться за человека. А если таковых не находилось, то исход мог быть самым печальным. Особенно для

тех, кто по каким-то причинам не захотел после восстания сразу сдать оружие — согласно приказу Революционного комитета не сданное красной власти оружие почти автоматически влекло за собой смертную казнь.

А ещё в ходе красного террора явно пострадали те, с кем некоторые власть имущие хотели свести счёты — по причинам классового расслоения и ненависти, каких-либо политических обид и даже по сугубо личному поводу. По свидетельству Алексея Чипчина, особо этим «увлекался» председатель горсовета Курмыша Иван Демидов, который во время восстания был сильно избит, а потом и арестован. Вот он и мстил страшно за это своё унижение:

«В ЧК товарищ Демидов играл первую скрипку, как пострадавший, как знаток населения, его психологии и настроения. И немудрено, что он, по слухам, злоупотреблял своим положением, отомстив как политическим, так и личным врагам. Говорят, и упорно говорят, что были жертвы совершенно не причастные к восстанию. Но остались без наказания и такие, которые были активными участниками восстания» ...

В общем, ситуацию можно смело охарактеризовать словами жителя Бортсурман Леонида Фёдоровича Кондратьева, сына участника восстания, прапорщика Фёдора Кондратьева. Когда в 1937 году следователь НКВД попросил Леонида дать характеристику красного террора 1918 года в его родной деревне, тот ответил: *«Считаю, что все жители Бортсурман были невиновными людьми, власть тогда толком не разобралась и поубивала невиновных»*. По большому счёту это касалось не только Бортсурман, но и Курмыша... Впрочем, надо отметить, что не все большевики питали к людям ненависть, подобную Демидову. Сохранились свидетельства того, что сменивший погибшего Мартьянова председатель уездного Совета Василий Завьялов спас от расстрела несколько человек, лично за них поручившись — среди спасённых им людей были даже реальные участники восстания...

Были и случаи настоящего, не побоюсь этого слова, просто чудесного спасения прямо из-под расстрела. К примеру, к расстрелу был приговорён повстанец, житель Казачьей Иван Дмитриевич Кузнецов, 1897 года рождения. В 1930-е годы следователь НКВД поинтересовался у него: *«Вы в 1918 году были приговорены к высшей мере социальной защиты — расстрелу. Почему оказались не расстрелянными?»* На что Кузнецов ответил: *«Я по пути к месту расстрела упал в обморок и меня вынуждены были отправить в больницу, где я пролежал три месяца. Этим самым я спасся от расстрела»*. А вот что произошло с жителями Мальцево. В 1918 году одной из жертв расстрела там стал Дмитрий Иванович Абрамов. Но, по словам ряда свидетелей (показания из того же 1937 года), в мятеже активно участвовала вся большая семья Абрамовых — его брат Андрей Иванович и их родственник Михаил Фёдорович Абрамов, они также были приговорены к расстрелу. Но им удалось бежать: *«Побег Абрамовых удался благодаря Поляковой Марии Фёдоровне, которая является свояченицей Михаилу Абрамову. Побег был осуществлён при следующих обстоятельствах: Полякова Мария Фёдоровна познакомилась с красноармейцем, который стоял в карауле около арестованных. И*

благодаря близкой связи с Поляковой М.Ф. он освободил Абрамова А.И., который скрылся в картофельном поле. С ним бежал и Абрамов М.Ф.»

Ещё более удивительная история произошла в слободе Стрелецкой. Честное слово, когда наткнулся на эту историю, поначалу не очень поверил, но потом обнаружилось сразу несколько свидетельств, причём от людей, незнакомых друг с другом. Поэтому пришлось поверить... Вы помните бывшего старшего унтер-офицера Семёна Фёдоровича Соколова? Это который организовывал в Стрелецкой восстание, а потом вёл пулемётный огонь по ядринским чекистам? Он не просто уцелел после мятежа, а стал активно помогать советской власти и даже в конце 1918 года вступил в ряды РКП(Б)... Как такое могла получиться?

Из опроса свидетелей складывается следующая картинка. Братья Соколовы, Семён и Василий, плюс братья Фуфаевы — все фронтовики Первой мировой, крепкие хозяева - держали Стрелецкую слободу буквально в своих руках. Им мало кто решался перечить. Когда братья примкнули к восстанию, то фактически заставили это сделать и других жителей, благо что антисоветская агитация пользовалась популярностью. Вместе они ходили под Берёзовку, где дали бой отряду ЧК. А когда восстание захлебнулось, быстро сменили политическую ориентацию. Как вспоминал потом один из рядовых повстанцев:

«Мы убежали в лес... Где-то на четвёртый день к нам пришли братья Фуфаевы и велели сидеть и не высовываться, а винтовки покидать в Самыгинский дол, прямо в трясины... Потом мы узнали, что Фуфаевы и Соколовы ловко организовали из себя группу якобы по розыску повстанцев. Вышеуказанные люди имели в то время засилье в Стрелецкой слободе, их все боялись, и они вторглись в тот момент в доверие к советской власти, производили облавы на повстанцев, которые активно участвовали в восстании. Мы же, обычные повстанцы, долго хоронились по разным деревням и сёлам. Я вот скрывался 9 месяцев от преследования властей».

А вот другое свидетельство: *«Когда Соколов в том же 1918 году вступил в ряды РКП(б), то жители Стрелецкой удивлялись и задавали друг другу вопрос: «Почему командира наших повстанцев приняли в партию?! Как же так, куда советская власть смотрит?»...*

Однако партийная карьера у Соколова так и не сложилась. Он служил в Красной армии, в милиции, одно время значился среди партийно-советских активистов уезда. Но в 1934 году во время очередной партийной чистки его разоблачили, именно как одного из организаторов Курмышского восстания. Соколов пытался это отрицать, но к тому времени бывшие повстанцы осмелели и выдали своего бывшего командира, что называется, с головой. И Соколов был вынужден признать, как участие в восстании, так и стрельбу из пулемёта возле Берёзовки — правда он при этом уточнил, что во время отступления повстанцев пулемёта он в реке не топил, а закопал на ближайшем гумне. Из партии его исключили. А в 1935 году Соколова вызвали в Крым, где он свидетельствовал против арестованного в Ялте бывшего прапорщика Евгений Норенберга — подтвердил, что именно Норенберг командовал

повстанческой группировкой за рекой Сурой. Самого Соколова арестовали в 1937 году во время массовых репрессий. Тройкой УНКВД по Горьковской области он был приговорён к расстрелу...

Думаю, что причины столь жёсткой карательной политики советской власти сразу после подавления восстания - с точки зрения политической истории - буквально лежат на поверхности. В своей книге «Самодержец пустыни» известный российский писатель Леонид Юзефович, который уже много лет занимается историей гражданской войны, так охарактеризовал деятельность спецслужб и красных, и белых: по его словам, эти спецслужбы вовсе не стремились проводить нормальную следственно-розыскную работу, как это принято в мирное время — нет, их главной задачей было устрашение политического противника с целью подавления воли к сопротивлению. И Курмышская ЧК не стала здесь исключением. Тем более условия были соответствующие: прифронтовая зона, сложная обстановка на самой линии фронта, когда судьба революции буквально висела на волоске, плюс развернувшаяся по всей советской республике, сразу после покушения на Ленина, кампания красного террора...

Впрочем, брали большевики не только кровью. За то, что лидеры повстанцев перед своим побегом украли большую сумму денег из уездного Казначейства, их возмещение, в духе того жестокого времени, было наложено на «курмышскую контрреволюцию», то есть на местное население, поддержавшее мятеж:

«Протокол №10 экстренного заседания уездного Исполкома совместно с членами Временного Революционного Комитета от 7 сентября 1918г. под председательством тов. Завьялова. Обсудив вопрос о денежных средствах и принимая во внимание критическое финансовое положение Совета из-за расхищения средств белогвардейскими бандами постановлено:

Для восстановления порядка и хозяйственной жизни уезда наложить на волости, участвовавшие в этом заговоре, штраф:

- 1. Старо-Казацкую — 30 000 руб.*
- 2. Город Курмыш — 50 000 руб.*
- 3. Деяновскую — 40 000 руб.*
- 4. Бортсурманскую — 40 000 руб.*
- 5. Четаевскую - 75 000 руб.*
- 6. Атаевскую — 75 000 руб.*
- 7. Тархановскую — 30 000 руб.*
- 8. Ходаровскую — 75 000 руб.*
- 9. Паниковскую — 30 000 руб.*

Каковые суммы должны быть внесены в трёхдневный срок со дня получения на месте».

Брали и имуществом - особенно «чистили» те дома, хозяева которых убежали от наступающих советских войск. Судя по всему, сумму- деньгами, золотом, ценными вещами - собрали внушительную и вполне покрывавшую то, что унесли с собой белые. Правда вскоре поползли слухи о том, что

красные начальники якобы начали приворачивать собранное. В частности, в этом обвиняли чекиста Карла Грасиса. По этому поводу даже был сигнал от нижегородского чекиста Фролова, который прибыл из Нижнего организовывать ЧК в Васильсурске и где он сразу вошёл в личный конфликт с Грасисом. Однако слухи о воровстве не подтвердились, зато было установлено, что этот латыш в данном районе на стыке тогдашних Нижегородской, Симбирской и Казанской губерний чувствовал себя настоящим диктатором, который ни с кем не считался, включая и партийные структуры. За это в первых числах октября 1918 года его сняли с должности уполномоченного и перевели в Казань. Вместе с Грасисом в Казань уехал и начальник Курмышской ЧК Браман....

Кстати, начиная с октября массовый террор в уезде фактически был свёрнут. И не потому что большевики вдруг стали более гуманными. Нет, в силу стали вступать прагматичные соображения. Во-первых, продолжение бессудных расстрелов грозило окончательно оттолкнуть крестьянскую массу от большевиков. А во-вторых, командование Красной армии требовало всё новых и новых пополнений — мобилизацию, которая и стала главной причиной восстания, никто не отменял. Уже через несколько дней после вступления в Курмыш подразделений Красной армии военком Рудаков докладывал в Саранск Ибрагимову, что мобилизация возобновлена в полном объёме и проходит в целом успешно. Этим воспользовались многие бывшие повстанцы, которые сумели избежать попадания под горячую руку ЧК. Многие из них пошли добровольно в Красную армию, честно потом отслужив в ней вплоть до окончания гражданской войны. Я могу назвать с десяток, а то и больше фамилий таких вот людей.

Например, активный повстанец, житель слободы Казачьей Иван Петрович Елесин, который от «Комитета спасения родины и революции» ходил на связь с белыми. До белых он так и не дошёл, зато позднее поступил на службу в Красную армию — и с 1919 до 1921 года воевал в команде бронепоезда имени Карла Маркса. Или жители той же слободы Иван Владимирович Еранов и Василий Алексеевич Мурзанов — отсидевшись с месяц в лесах, они вернулись и тут же записались в РККА, оба воевали в частях 5-й Красной армии и дошли с боями до Тихого океана. А вот что случилось с прапорщиком Константином Вагиным. После отступления из Курмыша он отстал от повстанческого отряда Саверкина-Степанова и отправился в Казань, к родственникам. Не доезжая до Казани Вагин присоединился рядовым красноармейцем ко Второму добровольческому Советскому полку. В этом полку Вагин воевал с белогвардейцами, получил должность адъютанта командира полка. В начале 1919 года полк был расформирован по причине больших потерь, до 70% от всего личного состава. Во время переаттестации командного состава Вагин признался в том, что он бывший повстанец. Сначала ему не поверили, но потом отправили Вагина в Симбирск (замечу, без конвоя, с хорошими характеристиками). О суде над Вагиным и другими бывшими повстанцами в 1920 году я расскажу чуть ниже, а пока только

добавлю — Вагин сразу же после суда попал под амнистию и был отправлен дослуживать в Красную армию...

Свидетельством того, что в октябре массовые репрессии в Курмышском уезде прекратились служат архивные дела ЧК. Конечно, как я уже говорил, сохранились они не в полном объёме, но всё же... На начало октября 1918 года коллегия уездной ЧК (после ухода Грасиса и Брамана) была в следующем составе: председатель — В.И. Гарин, члены: Зиновьев, Косолапов, Серебряков, Леонтьев и Дмитриев. Именно они и решали судьбы людей сразу после массового террора. Вот только некоторые дела того времени.

Дело уездной ЧК по обвинению Аврова Евгений Константиновича, священника Рождественской церкви села Никулино в контрреволюционной агитации. Арестован 18 октября 1918 года, пробыл под арестом 10 дней, после освобождён за недостаточностью улик по ходатайству местного комитета бедноты.

Дело уездной ЧК по обвинению Колосова Николая Григорьевича, священника села Клычёвка - якобы перед восстанием агитировал против мобилизации в Красную армию и вообще был против советской власти. На это Колосов сказал чекистам: это наговор с целью сведения личных счётов, хотя против советской власти действительно высказывался — потому что время было такое, власть всё время шаталась и переходила из рук в руки. 27 декабря 1918 года священника приговорили к общественным работам на полтора месяца с конфискацией излишков имущества.

Дело уездной ЧК по обвинению гражданина Пильны Леонтьева Семёна Кирилловича, который во время восстания выступал на собрании жителей села Медяны против мобилизацию в Красную армию и агитировал за Учредительное собрание. Ответ Леонтьева: я действительно выходил на митинг во время восстания, но был против гражданской войны вообще. Говорил собравшимся: хотите, идите воюйте за советскую власть, хотите — за Учредительное собрание, я же навоевался и хочу сидеть дома. Постановлением уездной ЧК бывшего подпоручика Леонтьева мобилизовали командиром Красной армии. Точно так же, в декабре 1918 года, в Красную армию были отправлены и другие офицеры — прапорщик Александр Трегубов, подпоручик Александр Пантхусов (бывший дворянин), поручик Николай Пазухин. Все они в конце октября прибыли на призывной пункт в Пильню, а там их арестовала уездная ЧК по подозрению в участии в восстании. Они признали своё личное знакомство с некоторыми повстанцами (например, со штабс-капитаном Степановым), но в самом восстании не участвовали, и вообще в те дни в Курмыше их не было. После разбора их всех освободили и отправили обратно на призывной пункт...

Дело уездной ЧК (от 2 октября 1918 года) по обвинению в активном участии в восстании жителя города Курмыш Ядрога Григория Ивановича, 26 лет. Из показаний обвиняемого:

«Вечером 2 сентября, когда началась стрельба, я никуда не ходил. На следующий день пошёл на работу в Казначейство. На площади были вооружённые люди, предложили винтовку. Я сказал, что иду на службу, но

всё равно принудили взять винтовку. Вместе с другими направили на Инвалидную объявить народу, чтобы собирались возле приходского училища. Сходил туда, а потом отдал винтовку военному руководителю Степанову, который сказал, что я глуховат и с винтовкой обращаться не умею. Все последующие дни был на службе в Казначействе».

Постановление ЧК: *«Вина не доказана, есть поручительство со стороны граждан Курмыша. Освободить под надзор местного Совета и дело прекратить» ...*

А вот какое заключение 25 ноября 1918 года выдала начальник уездной ЧК Гарин по делу курмышского гимназиста Бориса Преображенского, который в дни восстания вооружился винтовкой и бесцельно потом болтался по улицам города: *«Молодой человек совершенно ни в чём не разбирается, слишком легкомысленен и этим я заключаю, что он может принести вред как той, так и другой стороне. Как малолетнего освободить и дело прекратить»...*

Выносились в это время ЧК смертные приговоры? Не знаю — во всяком случае мне таковые не попадались.

В 1919 году, спустя почти год после мятежа, из леса с повинной потянулись скрывавшиеся и непойманные повстанцы, надеясь на обещанную амнистию со стороны советской власти. Шли они главным образом в милицию, надеясь встретить там более понимающий приём, чем в уездной ЧК. С повинной пришли прапорщик Александр Богоявленский, военный чиновник Александр Степанов и бывший председатель сельсовета слободы Казачьей Тимофей Королёв, который, как мы помним, был организатором митинга, с которого и начался мятеж. В это же время уездная милиция задержала бывшего члена «Комитета спасения родины и революции» Ивана Царицына: он прятался под крыльцом собственного дома, выдали его соседи. В марте 1920 года все эти люди, а также Константин Вагин предстали перед заседанием выездной группы Симбирского губернского революционного трибунала. Судя по обилию свидетельств и других данных, представленных в ходе судебного разбирательства (шедшего с 25 по 28 марта), на сегодняшний день именно материалы этого трибунала, хранящиеся в ЦАНО, являются наиболее полными и подробными по истории Курмышского восстания.

Трибунал заочно приговорил организаторов восстания: Михаила Саверкина к 20-летнему тюремному заключению, Василия Степанова - к 15 годам тюрьмы (по причине неуловимости обоих приговор оказался не исполненным), прапорщика Евгения Норенберга - к 10 годам лишения свободы. Член «Комитета общественного спасения» Иван Царицын получил 4 года тюремного заключения. Бывший председатель сельсовета слободы Казачьей Тимофей Королёв — 5 лет лишения свободы с учётом предварительного заключения. Александр Богоявленский - 2 года тюрьмы, Константин Вагин — 1,5 года, Александр Степанов — 1 год. Последние трое были сразу же освобождены прямо в зале суда — к ним применили Декрет об амнистии ВЦИК от 5 ноября 1919 года. В начале 1990-х годов

прокуратура Нижегородской области реабилитировала Норенберга, Богоявленского, Вагина и Александра Степанова. Королёву, Василию Степанову и Саверкину в реабилитации было отказано.

Не ведаю, как потом сложилась судьба всех этих людей, кроме Богоявленского. Он потом долго служил в Красной армии, дрался с басмачами в Туркестане, где снова был ранен. Жил какое-то время в Ленинграде, переехал в Сергач на службу военкомом района. После увольнения из армии работал техником-строителем в местной дорожной службе. Арестован в 1937 году по обвинению в создании антисоветской организации из числа сергачской интеллигенции. Был приговорён к 10 годам лишения свободы. Жена добилась пересмотра приговора — в 1939 году во время так называемой бериевской амнистии был полностью оправдан. Однако до освобождения Александр Богоявленский не дожил — умер в лагере в конце 1938 года. В 1956 году семья получила справку о полной и безусловной реабилитации...

...А в 1920 году в далёком сибирском городе Иркутск органами ЧК был задержан Александр Саверкин, младший брат руководителя «Комитета спасения родины и революции». Саверкин-младший поведал чекистам о том, что осенью 1918 года в Буинском уезде ушедший из Курмыша повстанческий отряд решил разойтись в разные стороны. Михаил Саверкин из денег, изъятых в Курмышском Казначействе, раздал всем по несколько тысяч рублей на дорогу.

Куда после этого ушёл военный руководитель повстанцев Василий Зотович Степанов и что вообще с ним стало, неизвестно до сих пор. 24 сентября 1918 года в селе Туваны начальником Курмышского уездного продотряда была задержана Наталья Степанова, жена штабс-капитана. У ней были отобраны деньги в размере 24 981 рублей — оказалось, что эти деньги ей передал супруг перед самым отступлением из Курмыша (очевидно, что эта была часть похищенного из Казначейства). Наталья вместе с деньгами была отправлена в Курмыш: к сожалению, какие именно она потом дала показания и что вообще с ней стало также неизвестно... Возможно, сам Степанов после расставания с Саверкиным ушёл к белогвардейцам на юг, к Деникину. Как это сделал другой участник восстания, уроженец села Бортсурманы прапорщик Фёдор Кондратьев, который после гражданской войны оказался в Польше — до середины 1930-х годов переписывался с семьёй, которая проживала в его родном селе...

Что же касается братьев Саверкиных, то они перешли линию красно-белого фронта в районе Сызрани, после чего оба отправились в Уфу, которая осенью 1918 года стала временной «столицей» антисоветской России. К тому времени эсеровская контрреволюция Поволжья, державшаяся главным образом на штыках чехословаков, окончательно «сдулась». Самарский КОМУЧ попытался объединиться с такой же «демократической» организацией в лице Сибирского областного правительства — и в Уфе была образована единая правительственная Директория. Забегая вперёд скажем, что и она просуществовала очень недолго - Директорию в ноябре 1918 года

разогнали белые офицеры, установившие военную диктатуру адмирала Колчака.

Но на тот момент Директория ещё здравствовала - Михаил Саверкин нашёл в городе своих знакомых по эсеровской партии, вроде видного симбирского эсера Валентина Ивановича Алмазова, которые занимали важные должности в белом правительстве. В Уфе же братья неожиданно встретились и с членом «Комитета спасения родины и революции» Степаном Севрюгиным, который также смог пробраться через фронт и устроился работать в городе механиком. Севрюгин стал жаловаться на своё и другого проживавшего в Уфе курмышского повстанца Николая Сперанского тяжёлое материальное положение и просил денег. Но Михаил Саверкин ему отказал, заявив, что все оставшиеся у него денежные средства будут переданы Директории. И тогда Севрюгин со Сперанским при помощи знакомого офицера белой контрразведки решили ограбить Саверкина. Самого Михаила предполагалось убить, как бывшего «красного комиссара», припомнив ему работу в уездном Совете. Но братьям Саверкиным повезло — в момент ограбления их не оказалось дома. Сразу после налёта они бросились за помощью в чешскую контрразведку, которая арестовала Севрюгина со Сперанским, а найденный при них деньги в размере 221 тысячи рублей были переданы в кассу Директории.

После этого братья Саверкины расстались. Саверкин-младший записался добровольцем в Народную армию Самарского КОМУЧа, после перешёл в армию адмирала Колчака. В январе 1920 года попал в плен, был перемобилизован и начал проходить службу рядовым 1-й роты рабочего батальона 5-й Красной армии. В декабре был арестован Иркутской ЧК и отправлен в Симбирск, как один из активных участников Курмышского восстания. Михаил Саверкин, по показаниям брата, в самом конце 1918 года уехал во Владивосток, где устроился работать электриком при городской управе. Есть пока непроверенные данные о том, что в ноябре 1919 года Михаил Саверкин участвовал в эсеровском восстании против Колчака во Владивостоке, восстанием руководил чешский генерал Рудольф Гайда. Колчаковцы это восстание подавили, много эсеров было расстреляно — не исключено, что среди погибших был и Михаил...

По иронии судьбы примерно в тоже самое время, что и Александр Саверкин, то есть в 1920 году, ЧК был арестован Степан Севрюгин — и тоже в Иркутске! Когда красные вступили в этот город, Севрюгин за свою криминальную уфимскую историю сидел в местной тюрьме. Его выпустили вместе с остальными узниками, после чего он пытался выдать себя за «жертву кровавого колчаковского режима». Однако в ходе проверки выяснились совсем иные вещи, и Севрюгина, как и Саверкина-младшего, также препроводили в Симбирск в распоряжение революционного трибунала.

Александра Саверкина в 1921 году трибунал осудил на три года лишения свободы, но с учётом всех амнистий реально получил год тюрьмы. Его дальнейшая судьба неизвестна. Другой повстанческий активист Степан Севрюгин в том же 1921 году получил пять лет заключения. Но вскоре вышел

на свободу, уехал в Сормово, где устроился рабочим, и даже в 1928 году умудрился вступить в Коммунистическую партию. По этому поводу в местной парторганизации возник большой скандал, закончившийся исключением бывшего повстанца из партийных рядов. Вторично его привлекли в 1938 году, припомнив ему разом и Курмыш 1918 года, и попытки пролезть в коммунисты. Приговорён к 8 годам лагерей. Что с ним стало потом, неизвестно...

А в середине 1930-х годов стала известна судьба одного из повстанческих лидеров Евгения Норенберга. Его в крымской Ялте опознал кто-то из жителей Курмыша, после чего он был арестован органами НКВД. Оказалось, что в Крыму он проживал под фамилией Таганов, работая инженером во Втором санатории ВЦСПС. Поначалу он отнекивался от фамилии Норенберг, но улики свидетельствовали против него. И он во всём признался. Родился Евгений Норенберг в Пензе, в 1891 году, в семье дворянина Владимира Норенберга. В 1915 году закончил Варшавский политехнический институт (любопытно, но именно Варшавский политех после эвакуации во время Первой мировой войны в Нижний Новгород станет ядром нового российского вуза - Нижегородского госуниверситета имени Лобачевского, так что Евгения Норенберга отчасти можно считать выпускником нашего ННГУ — **В.А.**). После эвакуации в Нижний Евгений переехал в нашу губернию, откуда перебрался к отцу в Курмыш, где полковник Владимир Норенберг служил воинским уездным начальником. Отсюда он ушёл в царскую армию, рядовым-вольноопределяющимся. Поначалу служил в Москве, в запасной автороте, а потом попал на фронт. Там получил офицерское звание. До какого именно звания он вырос не очень понятно, потому что в документах НКВД Евгения именуют штабс-капитаном, между тем как жители Курмыша упорно называли его прапорщиком. Вернувшись после революции в Курмыш, принял участие в сентябрьском восстании — по словам самого Евгения, под влиянием отца, на дух не выносившего большевиков, сам же он к политике всегда был равнодушен, его больше привлекала разного рода техника.

Одно время краеведы писали о том, что после Курмышского восстания Евгений Норенберг якобы ушёл к белым и даже служил на бронепоезде в войсках Деникина. На самом деле ничего подобного никогда не было! Отстав от группы Саверкина-Степанова, Евгений раздобыл подложные документы на имя инженера Таганова Евгения Владимировича. И под этим именем жил дальше, никуда не выезжая с советской территории. В годы гражданской войны работал рудничным инженером Баскунчакской горнотехнической станции, а потом - помощником главного инженера Астрахано-Саратовского горного округа, жил в Астрахани. Имел много грамот и поощрений от советского хозяйственного руководства. А после войны перебрался в Крым. Дважды женат, имел 8-летнюю дочь от второго брака.

Крымский НКВД пытался навесить на Евгения Норенберга не просто участие в Курмышском восстании, но и убийство председателя уездного исполкома Мартьянова, однако это подтверждения ни на следствии, ни в ходе суда не нашло. В 1935 году Евгения приговорили к 10 годам лишения свободы,

но через год прокуратура Крыма опротестовала это решение и срок снизили до пяти лет...

Надо сказать, что Норенбергу ещё повезло, потому что в 1937 году началась волна массовых репрессий, под каток которой угодили многие бывшие курмышские повстанцы — были среди них и впоследствии расстрелянные, и осуждённые к длительным лагерным срокам. Впрочем, об этом я уже писал в первой части этого повествования... На этом я завершаю историю Курмышского восстания 1918 года. Надеюсь, что само исследование этой трагической истории не заканчивается.